

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

ПРОСТАЯ ПРАВДА

РОМАН

ДЖОДИ ПИКОЛТ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ #1 ПО ВЕРСИИ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

Джоди Пиколт

Простая правда

«Азбука-Аттикус»

2000

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Пиколт Д.

Простая правда / Д. Пиколт — «Азбука-Аттикус», 2000

ISBN 978-5-389-17507-5

В сарае на ферме амишей обнаруживают мертвого младенца, и это до основания потрясает округ Ланкастер. Однако полицейское расследование приводит к более шокирующему открытию: косвенные улики свидетельствуют, что восемнадцатилетняя Кэти Фишер, незамужняя амишская женщина, мать новорожденного, лишила младенца жизни. Когда в Парадайс, штат Пенсильвания, для защиты Кэти приезжает Элли Хэтэуэй, разочарованная в жизни адвокат из большого города, сталкиваются две культуры. Впервые в своей выдающейся карьере Элли встречается с системой правосудия, сильно отличающейся от ее собственной. Глубоко погрузившись в мир «простых» людей, адвокат должна найти путь к душе Кэти. Распутывая сложный клубок дела об убийстве, Элли к тому же пытается разобраться с собственными страхами и желаниями, когда в ее жизнь вновь входит мужчина, с которым она рассталась много лет назад. Плавно переходя от психологической драмы к описанию сцен в зале суда, «Простая правда» являет собой не только прекрасный рассказ о жизни такого закрытого и необычного сообщества, как амиши, но и волнующее исследование уз любви, дружбы и трудности правильного выбора. Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-17507-5

© Пиколт Д., 2000

© Азбука-Аттикус, 2000

Содержание

Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	38
Глава 5	51
Глава 6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Джоди Пиколт

Простая правда

Моему отцу Майрону Пиколту, научившему меня быть оригиналкой.

Не так много на свете мужчин, которые уморительно чихают, придумывают скверные каламбуры и при этом до безумия обожают своих дочерей.

Я тебя люблю.

Jodi Picoult

PLAIN TRUTH

Copyright © 2000 by Jodi Picoult

Originally published by Atria Books, a Division of Simon & Schuster Inc.

All rights reserved

© И. В. Иванченко, перевод, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Часть I

*С детства я христианин,
Добрый, кроткий Божий сын.
Честным должен быть в делах
И правдивым в словах...
Бог на небе, знаю я,
Зрит все мысли и дела.
Амишский школьный стих*

Глава 1

Ей часто снилось, как подо льдом плавает безжизненное тело ее маленькой сестры, но в ту ночь она впервые представила, что Ханна пытается выбраться. Она видела широко раскрытые испуганные глаза Ханны, чувствовала, как та цепляется ногтями за лед. Потом, вздрогнув, она проснулась. Зимы не было – на дворе стоял июль. Под ладонями ощущался не лед, а лишь скомканные простыни. Но опять по ту сторону кто-то был, и он пытался освободиться.

Почувствовав сильный спазм в животе, она закусил губу. Потом крадучись вышла из дому, не обращая внимания на схваткообразную боль.

На пороге коровника ее встретило громкое кошачье мяуканье. Теперь она тяжело дышала, ноги тряслись, как ивовые ветки. Опустившись на сено в дальнем углу загона для отёла, она подтянула колени к животу. Раздувшиеся коровы сначала скосили в ее сторону голубоватые белки глаз, но потом стали отворачиваться, словно догадавшись, что не стоит быть свидетелями.

Она так пристально всматривалась в шкуры голштинских коров, что их черные пятна задрожали и поплыли у нее перед глазами. Потом впилась зубами в край ночной рубашки. И вдруг почувствовала сильное сжатие изнутри, будто ее выворачивали наизнанку. Она вспомнила, как они с Ханной протискивались через дыру в колючей провололочной изгороди у ручья, упрямо пихаясь локтями и коленями и кряхтя, пока каким-то чудом не вылезали наружу.

Все закончилось так же неожиданно, как и началось. И на спутанном, испачканном сене у нее между ног лежал младенец.

Аарон Фишер повернулся под ярким лоскутным одеялом, чтобы взглянуть на часы у кровати. Ничего такого не произошло, никакие звуки его не потревожили, но после сорока пяти лет жизни на молочной ферме его могли разбудить даже самые слабые звуки, такие как шорох шагов по песку, шум ветра, изменившего направление, скребущий звук, издаваемый шершавым языком коровы, когда она облизывает новорожденного теленка.

Фишер почувствовал, как подался матрас, когда Сара у него за спиной поднялась на локте. Через плечо у нее, как морской канат, была переброшена длинная коса.

– Was ist letz? Что случилось?

Дело было не в животных – до отёла первой коровы оставался еще целый месяц. И не в грабителе – шум был едва различим. Фишер почувствовал, как жена обвила его рукой и прижалась к нему.

– Nix, – пробормотал он.

Ничего. Но он не знал, кого пытался убедить – Сару или себя.

У нее хватило сообразительности отрезать пуповину, багровой спиралью отходящую от живота младенца. Трясущимися руками ей удалось дотянуться до старых ножниц, висящих на колышке у двери стойла. Ржавые ножницы были покрыты клочками сена. Пуповина распалась на два толстых обрубка, из которых хлынула кровь. В ужасе она крепко зажала пальцами концы, потерянно озираясь по сторонам в поисках чего-нибудь, чтобы перевязать пуповину.

Пошарив в сене, она нашла небольшой кусок бечевки, которой быстро затянула пуповину. Кровотечение замедлилось, потом прекратилось. Она с облегчением откинулась назад, и тут новорожденный заплакал.

Схватив ребенка, она принялась изо всех сил его укачивать. Ногой отшвырнула сено, стараясь прикрыть кровь чистым слоем. Рот младенца открывался и закрывался, терся о ее хлопковую сорочку.

Она понимала, чего хочет младенец, но не могла этого сделать. А иначе все стало бы похожим на правду.

Поэтому она сунула младенцу свой мизинец, позволив маленьким сильным челюстям пососать его, а сама занялась тем, что ее учили делать в минуты величайшего напряжения и что она повторяла уже много месяцев.

– Господи! – молилась она. – Пожалуйста, пусть все это закончится!

Ее разбудило звяканье цепей. На дворе все еще было темно, но внутренний распорядок молочных коров заставлял каждую подниматься в своем стойле, их напитанное молоком, с голубыми прожилками вымя напоминало полную луну, зажатую между ног. Она устала, и у нее все болело, но она знала, что ей необходимо выбраться из коровника, прежде чем мужчины придут доить коров. Бросив взгляд вниз, она поняла, что свершилось чудо: на месте пропитанного кровью сена оказалось свежее, не считая небольшого пятна у нее под ягодицами. И два предмета, которые она держала, засыпая, – ножницы и новорожденный – исчезли.

С трудом поднявшись на ноги, она с благоговением подняла глаза к крыше.

– Danke, – прошептала она, выбегая из амбара в полумрак.

Как все прочие шестнадцатилетние амишские парни, Леви Эш больше не ходил в школу. Он окончил восьмой класс и проходил испытательный срок для принятия осознанного решения о крещении по вере в Церкви амишей. А пока его наняли помощником к Аарону Фишеру, у которого не было больше сына, чтобы помогать на молочной ферме. Леви получил эту работу по рекомендации своего старшего кузена Сэмюэла, уже пять лет служившего у Фишеров работником. А поскольку все знали, что Сэмюэл, вероятно, в скором времени женится на дочери Фишеров и заведет собственную ферму, это означало, что Леви получит продвижение по службе.

Его рабочий день начинался в четыре часа утра, как на всех прочих молочных фермах. По-прежнему стояла кромешная тьма, и Леви не видел приближающийся багги¹ Сэмюэла, но слышал слабое позвякивание упряжи. Схватив соломенную шляпу с плоскими полями, он выбежал за дверь, потом вскочил на сиденье рядом с Сэмюэлом.

– Привет, – затаив дыхание, произнес он.

Сэмюэл кивнул, но не повернулся и не заговорил.

– Что случилось? – поддразнивая, спросил Леви. – Вчера Кэти не поцеловала тебя на прощание?

Нахмурившись, Сэмюэл двинул Леви по уху, отчего шляпа паренька отлетела в угол повозки.

---

¹ Багги – конные экипажи амишей; кроме амишей, никто не ездит по дорогам в подобном транспорте. – Здесь и далее примеч. перев.

– Может, заткнешься?

Они ехали в молчании, под шелест ветерка, проносящегося по изрезанному краю кукурузного поля. Вскоре Сэмюэл остановил багги на переднем дворе Фишеров. Леви, соскочив на мягкую землю, дождался, пока Сэмюэл не привяжет лошадь для выпаса, а затем они отправились в коровник.

Лампы, используемые при дойке, работали от генератора, как и вакуумные насосы, подвешенные к вымени коров. Аарон Фишер опустился на колени рядом с одной из коров, опрыскав ей вымя раствором йода, а потом насухо вытерев страницей, вырванной из старой телефонной книги.

– Сэмюэл, Леви, – приветствовал он парней.

Им не надо было говорить, что делать, поскольку они уже это знали. Сэмюэл подкатил тачку под силосную башню и принялся смешивать фураж. Леви выгребал навоз из-под каждой коровы, время от времени поглядывая на Сэмюэла и мечтая поскорее стать старшим работником.

Дверь амбара открылась, и неспешным шагом вошел отец Аарона. Элам Фишер жил в grossdawdi haus, небольшой квартире, примыкающей к главному зданию. Элам всегда помогал при дойке, но Леви должен был выполнять неписанные правила: следить, чтобы старик не носил ничего тяжелого, не позволять ему напрягаться, и пусть считает, что Аарон не может без него обойтись.

– Парни, – пророкотал Элам, потом замер, наморщив нос над длинной белой бородой. – Что ж, у нас появился теленок.

Озадаченный Аарон встал на ноги:

– Нет, я проверял загон.

– Все равно я чую запах, – покачал головой Элам.

– Похоже, Леви не мешало бы принять ванну, – пошутил Сэмюэл, подбрасывая лопату свежего фуража первой корове.

Когда Сэмюэл проходил мимо него с тачкой, Леви шагнул вперед и поскользнулся на навозной жиже. И тут же приземлился на задницу в канаве для отходов. Услышав раскаты смеха Сэмюэла, он стиснул зубы.

– Да не переживай, – пробубнил Аарон, хотя губы его кривила усмешка. – Сэмюэл, отстань от него. Леви, по-моему, Сара оставила твою запасную одежду в кладовой для упряжи.

Леви неловко поднялся на ноги, щеки у него горели. Он прошел мимо Сэмюэла, мимо доски, на которой мелом записывалась статистика по стельным коровам, и вошел в небольшую кладовку, где хранились попоны и уздечки для фермерских лошадей и мулов. Как и в остальной части коровника, здесь было чисто и аккуратно. На стене, точно паутина, висели плетеные вожжи, а полки были забиты запасными подковами и банками с жидкой мазью.

Леви огляделся по сторонам, но одежды не увидел. Потом в стопке лошадиных попон он заметил что-то яркое. Что ж, в этом был смысл. Если Сара Фишер стирала его одежду, то наверняка вместе с другими вещами. Он поднял тяжелую полосатую попону и увидел свои запасные брюки и зеленую рубашку, скатанные в рулон. Леви шагнул вперед, собираясь встряхнуть свои вещи, но замер, уставившись на крошечное неподвижное личико новорожденного.

– Аарон! – Леви резко остановился, не в силах перевести дух. – Аарон, вам надо пойти туда. – И он побежал в сторону кладовки.

Аарон обменялся взглядом со своим отцом, и оба они поспешили за мальчиком, а за ними Сэмюэл.

Леви стоял перед табуретом, заваленным кипой лошадиных попон, а наверху кипы лежал спящий младенец, завернутый в его рубашку.

– Я... думаю, он не дышит.

Аарон подошел ближе. Он уже давно не имел дела с такими крошечными младенцами. Мягкая кожа личика ребенка была холодной. Аарон опустил на колени и наклонил голову, надеясь уловить дыхание. Потом положил ладонь на грудь младенца.

– Беги к Шуйлерам и попроси у них разрешения позвонить, – повернувшись к Леви, сказал он. – Вызови полицию.

– Уходи! – велела Лиззи Манро дежурному офицеру. – Не собираюсь заниматься младенцем, не подающим признаков жизни. Вышли туда «скорую».

– Они уже там. Им нужен детектив. – Лиззи закатила глаза. С каждым годом ее службы в качестве детектива-сержанта в полиции городка Ист-Парадайс фельдшеры становились, казалось, моложе. И глупее. – Фрэнк, это медицинский вызов.

– Знаешь, там что-то не так. – Лейтенант протянул ей клочок бумаги с адресом.

– Фишер? – прочитала Лиззи, нахмурившись при виде фамилии и адреса. – Они амиши?

– Полагаю, да.

Вздохнув, Лиззи схватила большую черную сумку и жетон:

– Ты ведь знаешь, что это пустая трата времени.

В прошлом Лиззи время от времени сталкивалась с подростками из общины амишей-староверов, собиравшимися в чьем-нибудь амбаре выпить и поплясать и, как правило, нарушавшими общественный порядок. Один или два раза ее вызывали по заявлению от какого-нибудь амишского бизнесмена, в доме которого была совершена кража со взломом. Но вообще амиши редко имели дело с полицией. Их община незаметно жила в собственном мире подобно воздушному пузырьку, непроницаемому для окружающей среды.

– Просто прими их заявление, и я все для тебя сделаю. – Фрэнк открыл для нее дверь, и она вышла из кабинета. – Подыщу для тебя вкусное, жирное, особо тяжелое, и будешь рьяно вгрызаться в него.

– Не надо мне от тебя никаких услуг, – ответила Лиззи, но улыбнулась, садясь в машину, чтобы поехать на ферму Фишера.

На переднем дворе Фишеров еле уместились полицейский патрульный автомобиль, «скорая помощь» и багги. Лиззи подошла к дому и постучала во входную дверь.

Никто не ответил, но за спиной Лиззи услышала приветствие, произнесенное женским голосом на диалекте, модуляции которого смягчали согласные звуки. К Лиззи быстрым шагом подошла амишская женщина средних лет в бледно-лиловом платье и черном переднике.

– Я Сара Фишер. Чем могу помочь?

– Я детектив-сержант Лиззи Манро.

Сара важно кивнула и провела Лиззи в амбарную кладовку для упряжи, где двое парамедиков «скорой помощи», стоя на коленях, склонились над ребенком. Лиззи опустилась на корточки рядом с одним из них:

– Что у вас тут?

– Новорожденный, недавно родился. Когда мы прибыли, не было ни пульса, ни дыхания. Реанимировать не удалось. Один из работников фермы нашел его под лошадиной попоной завернутым в эту зеленую рубашку. Не могу сказать, был ли он мертворожденным, но тем не менее кто-то пытался спрятать тело. По-моему, один из ваших ребят околачивается около стойл для дойки, возможно, он сообщит вам что-то еще.

– Постойте, какая-то женщина родила этого ребенка, а потом попыталась его спрятать?

– Угу. Примерно три часа назад, – пробормотал парамедик.

Неожиданно обычный вызов «скорой помощи» оказался более сложным, чем ожидала Лиззи, и, вероятнее всего, подозреваемая стояла в четырех футах от нее. Лиззи подняла глаза на Сару Фишер, которая обхватила себя руками и заметно дрожала:

– Ребенок... мертв?

– Боюсь, что да, миссис Фишер.

Лиззи открыла рот, чтобы задать очередной вопрос, но ее отвлек отдаленный шум перемещаемого оборудования.

– Что это такое?

– Работники заканчивают дойку.

– Дойку? – Брови Лиззи взлетели вверх.

– Это дело... – спокойно произнесла женщина. – Его все же нужно делать.

Лиззи вдруг испытала к женщине глубокую жалость. Жизнь никогда не прекращается из-за смерти. Она знала это лучше большинства людей. Положив руку на плечо миссис Фишер, Лиззи постаралась придать голосу мягкость, не совсем понимая, в каком психологическом состоянии находится женщина.

– Понимаю, что для вас это тяжело, но я собираюсь задать вам несколько вопросов по поводу вашего ребенка.

– Это не мой ребенок. – Сара Фишер посмотрела Лиззи прямо в глаза. – И я понятия не имею, откуда он взялся.

Полчаса спустя Лиззи подошла к судебному фотографу:

– Держитесь рядом с коровником. Амиши не любят, когда их фотографируют.

Мужчина кивнул, сделав несколько снимков в кладовой упряжи и отсняв крупные планы труп младенца.

Наконец-то она поняла, зачем ее вызвали. Неопознанный мертвый младенец, неизвестная мать, бросившая его. И вся эта заварушка в самом сердце амишской фермы.

Она опросила соседей, лютеранскую пару, которые клялись, что никогда не слышали от Фишеров даже громких голосов, и совершенно не представляли, откуда мог взяться ребенок. У них были две дочери-подростка, одна из которых однажды сделала себе пирсинг в носу и на пупке. У обеих было алиби на прошлую ночь. Но они согласились пройти гинекологическое обследование, чтобы исключить себя из числа подозреваемых.

А вот Сара Фишер не согласилась.

Лиззи размышляла над этим, стоя в доильном помещении и глядя, как Аарон Фишер переливает молоко из маленького бидона в большой. Он был высоким и темноволосым, с мускулистыми руками, развившимися за годы фермерства. Его борода доходила до второй пуговицы рубашки. Закончив, Фишер поставил бидон и повернулся к Лиззи, весь внимание.

– Моя жена не была беременна, детектив, – сказал Аарон.

– Вы уверены?

– Сара больше не может иметь детей. Врачи сделали ей операцию после того, как она едва не умерла при рождении нашего младшего ребенка.

– Ваши другие дети, мистер Фишер, – где они были, когда нашли младенца?

По лицу мужчины пробежала тень и быстро исчезла, едва Лиззи успела ее заметить.

– Моя дочь спала наверху. Моя другая дочь... ушла.

– Ушла, то есть обзавелась собственной семьей?

– Умерла.

– Сколько лет той дочери, которая спала?

– Восемнадцать.

При этих словах Лиззи вскинула глаза. Ни Сара Фишер, ни парамедики не упоминали, что на ферме живет еще одна женщина детородного возраста.

– Возможно ли, чтобы она была беременна, мистер Фишер?

Лицо мужчины сильно побагровело, и Лиззи даже забеспокоилась.

– Она даже не замужем.

– Это не обязательно, сэр.

Аарон Фишер холодно и спокойно посмотрел на детектива:

– Для нас обязательно.

Казалось, на дойку сорока коров ушла целая вечность, но это не имело ни малейшего отношения к прибытию второго отряда полиции. Выпустив телок в ворота для выпаса и закрыв их, Сэмюэл зашагал к главной усадьбе. Он должен был помочь Леви подмести коровник, но это могло и подождать.

Сэмюэл даже не удосужился постучать. Просто открыл дверь, словно дом уже был его, и молодая женщина у плиты тоже принадлежала ему. На миг он остановился, глядя, как солнце расцвечивает ее профиль и золотит медовые волосы, как она быстро и проворно готовит завтрак.

– Кэти, – войдя, позвал Сэмюэл.

Быстро обернувшись, она вздрогнула, отчего в миске с жидким тестом подскочила ложка.

– Ох, Сэмюэл, я не ждала тебя так рано. – Она заглянула ему через плечо, словно ожидая увидеть за его спиной целую армию. – Мама сказала, что надо приготовить побольше, чтобы хватило всем.

Сэмюэл подошел к девушке, забрал у нее миску и поставил на кухонный прилавок. Потом взял Кэти за руки:

– Неважно выглядишь.

– Спасибо за комплимент, – скривилась она.

Он притянул ее к себе:

– С тобой все в порядке?

Ее глаза, взглянувшие на него, искрились синевой, как океан, который он однажды видел на обложке туристического журнала, и – как вообразил он себе – были такими же бездонно глубокими. Именно эти глаза привлекли его внимание к Кэти во время многолюдной церковной службы. Именно они заставили его поверить, что даже через много лет он сделает для этой женщины все, что угодно.

Кэти уклонилась от него и принялась печь блины.

– Ты ведь знаешь меня, – чуть задышавшись, произнесла она. – Мне неудобно рядом с этими Englischers.

– Не так уж их много. Всего лишь горстка полицейских. – Сэмюэл в тревоге нахмурился. – Хотя, может, они захотят поговорить с тобой. Похоже, они собираются беседовать со всеми.

Кэти положила лопатку и медленно повернулась к нему:

– Что они там нашли?

– Твоя мама не сказала тебе?

Кэти медленно покачала головой, и Сэмюэл заколебался, разрываемый между ее желанием узнать правду и своим желанием как можно дольше продлить ее блаженное неведение. Он запустил пальцы в свои соломенные волосы, отчего они встали торчком.

– Ну... они нашли младенца. Мертвого.

Сэмюэл увидел, как широко раскрылись ее глаза, эти потрясающие глаза, а потом она опустила на стул.

– О-о... – в изумлении прошептала она.

В тот же миг, прижимая Кэти к себе и шепотом говоря, что заберет ее отсюда и к черту полицию, он оказался рядом с ней. Почувствовав, как она обмякла в его руках, Сэмюэл торжествовал: после стольких дней отпора с ее стороны Кэти наконец позволила себя обнять. Однако она напряглась и отстранилась от него.

– По-моему, сейчас не время, – упрекнула она, поднявшись, выключила горелки газовой плиты и сложила руки на груди. – Сэмюэл, мне бы хотелось, чтобы ты отвел меня кое-куда.

- Куда угодно, – пообещал он.
- Хочу, чтобы ты отвел меня к этому ребенку.

– Это кровь, – подтвердил судмедэксперт, опустившись на колени в стойле для отёла перед небольшим темным пятном. – И плацента. Но не коровья, судя по размерам. Недавно какая-то женщина родила ребенка.

- Мертворожденного?
- Не могу сказать без вскрытия, – заколебался он, – но моя интуиция подсказывает «нет».
- Значит, он... умер?
- Этого я тоже не говорил.

Лиззи качнулась на каблуках:

- Хотите сказать, кто-то умышленно убил этого младенца?
- Полагаю, вам как раз и предстоит это выяснить, – пожал плечами судмедэксперт.

Лиззи быстро прикинула в уме. Принимая во внимание столь короткий промежуток между рождением и смертью младенца, вполне вероятно, что злоумышленницей была мать ребенка.

- О чем речь? Удушение?

– Вероятнее всего, удушение. Завтра я представлю предварительный отчет о результатах вскрытия.

Поблагодарив его, Лиззи побрела прочь с места преступления, охраняемого теперь патрульными полицейскими. Неожиданно случай оставления ребенка превратился в потенциальное убийство. Было достаточно резонных оснований для получения от местного судьи предписания на взятие проб крови – улики, способной указать на женщину, которая это совершила.

Лиззи остановилась, когда открылась дверь коровника. В полумрак коровника вошел высокий белокурый мужчина, один из работников фермы, вместе с молодой женщиной.

- Это Кэти Фишер, – сказал он.

Прелестная девушка принадлежала к тому здоровому германскому типу, который всегда наводил Лиззи на мысли о свежих сливках и весне. На Кэти было традиционное одеяние амишей-староверов: платье с длинным рукавом, а поверх него – черный фартук, закрывающий колени. Ноги босые и мозолистые. Лиззи всегда поражалась, видя, как летом амишская молодежь бежит без обуви по гравийным дорогам. Девушка сильно нервничала, и Лиззи почти чувствовала ее страх.

– Рада, что ты пришла, Кэти, – ласково произнесла Лиззи. – Я искала тебя, чтобы задать несколько вопросов.

При этих словах Кэти придвинулась к белокурому гиганту, стоявшему рядом.

– Прошлой ночью Кэти спала, – заявил он. – Она даже не знала о том, что случилось, пока я не сказал ей.

Лиззи пыталась проанализировать реакцию девушки, но что-то отвлекло ее. Поверх плеча Лиззи та пристально вглядывалась в кладовку, где судмедэксперт наблюдал за выносом тела младенца.

Вдруг девушка вырвалась из рук Сэмюэла и выбежала из коровника, Лиззи догнала ее только у двери в фермерский дом.

Сильная реакция на смерть, подумала Лиззи. Она наблюдала, как девушка пытается взять себя в руки, недоумевая, что ее взволновало. Была бы это обыкновенная юная девушка, Лиззи решила бы, что ею движет чувство вины, но Кэти Фишер была из амишей, и от нее требовалось держать эмоции под контролем. Если вы из амишей и выросли в округе Ланкастер без просмотра новостей и фильмов для людей старше семнадцати лет, ни разу не увидев сцен с изнасилованием, избиением жен и убийствами, то вполне естественно, что при виде мертвого ребенка вас мог бы охватить настоящий ужас.

Тем не менее в последние годы имели место судебные дела, когда матери подросткового возраста скрывали свою беременность, а после рождения ребенка замечали следы, избавляясь от новорожденного. Юные матери, совершенно не сознающие содеянного. Юные матери всевозможных облиций и религий.

Прислонившись к столбу, Кэти рыдала, закрыв лицо руками.

– Простите, – сказала девушка. – Увидев его... тело... я вспомнила о своей сестре.

– Той, которая умерла?

– Она утонула, когда ей было семь, – кивнула Кэти.

Лиззи бросила взгляд на поля – зеленое море, колышущееся на ветру. В отдалении заржала лошадь, ей откликнулась другая.

– Ты знаешь, что происходит, когда рождается ребенок? – тихим голосом спросила Лиззи.

Кэти прищурилась:

– Я живу на ферме.

– Знаю. Но животные отличаются от женщин. И если женщина рождает и не получает потом медицинской помощи, то подвергает себя большой опасности. – Лиззи помолчала. – Кэти, ты ничего не хочешь мне сказать?

– Я не рожала этого ребенка, – ответила Кэти, глядя прямо в глаза детективу. – Нет.

Но Лиззи пристально разглядывала пол крыльца. На крашенных белых досках она заметила маленькое красно-коричневое пятно. А по голой ноге Кэти медленно стекала струйка крови.

Глава 2

Элли

Мои ночные кошмары были наводнены детьми. В особенности шестью девочками – две из них темноволосые, четыре светленькие, коленки высовываются из-под клетчатого форменного сарафана школы Святого Амвросия, руки крепко сжаты. Понимаете, я видела, как все они вмиг повзрослели – в тот самый момент, когда старшина присяжных заседателей оправдал моего клиента, директора начальной школы, который домогался их.

Это был мой величайший триумф в качестве защитника из Филадельфии. После вынесения этого вердикта я стала известной и на меня обрушился шквал звонков от благовоспитанных кумиров общества, надеявшихся найти лазейки в законе, которые позволили бы им и дальше прятать в шкафу свои скелеты. В тот вечер, когда вердикт был утвержден, Стивен повел меня в кафе «У Виктора» на страшно дорогой обед – вместо него можно было купить подержанный автомобиль. Стивен представил меня метрдотелю как Джинни Кокран. Он сказал, что меня пригласили для беседы два старших партнера его фирмы, самой престижной в городе.

– Стивен, – с удивлением заметила я, – когда пять лет назад я проходила у вас собеседование, ты сказал, что не можешь иметь роман с женщиной, работающей в твоей фирме.

– Пять лет назад, Элли, – пожал он плечами, – все было по-другому.

Он был прав. Пять лет назад я продолжала строить свою карьеру. Тогда я верила, что главный бенефициар оправдательного приговора – скорее мой клиент, чем я сама. И пять лет назад я могла лишь мечтать о перспективах, какие предлагал мне Стивен в своей фирме.

– На какое время назначена встреча? – улыбнулась я.

Чуть позже, извинившись, я вышла в дамскую комнату. Рядом с подносом бесплатной косметики, лака для волос и духов безропотно сидела служительница. Я зашла в кабинку и расплакалась – из-за этих шести девочек, из-за свидетельств, успешно мной замалчиваемых, из-за того, что много лет назад, окончив юридический факультет, хотела стать честным адвокатом, который ни за что не взялся бы за это дело и тем более не старался бы изо всех сил выиграть его.

Я вышла из кабинки и включила воду, чтобы вымыть руки. Закатав рукава шелкового жакета, я долго намыливала и отмывала руки. Кто-то тронул меня за плечо. Обернувшись, я увидела служительницу, которая протягивала мне полотняное полотенце. У нее были жесткие и темные, как каштаны, глаза.

– Милая, – сказала она, – некоторые пятна ни за что не ототрешь.

В моих ночных кошмарах возникал еще один ребенок, но я никогда не видела его лица. Это был мой не родившийся малыш, и, судя по всему, ему не суждено было родиться. Люди подшучивают над биологическими часами, но они присутствуют у женщин, подобных мне, хотя сама я никогда не воспринимала их тиканье как звонок-напоминание, а скорее как предупреждение о бомбе. Сомневаешься, сомневаешься, а потом – бах! – все возможности упущены.

Я упоминала о том, что мы со Стивеном живем вместе восемь лет?

На следующий день после того, как его оправдали, директор школы Святого Амвросия прислал мне два десятка красных роз. Я как раз запихивала их в мусорное ведро, когда в кухню вошел Стивен.

– Зачем ты это делаешь?

Я медленно повернулась к нему:

– Ты когда-нибудь задумывался над этим? Что, однажды перейдя черту, не сможешь вернуться назад?

– Боже правый, ты опять говоришь, как Конфуций! Элли, просто скажи, в чем дело.

– Ладно. Я всего лишь хотела узнать, болит ли у тебя вот здесь. – Я указала на свое сердце. – Ты когда-нибудь смотришь на людей, сидящих в зале суда, – тех самых, чья жизнь была разрушена человеком, как тебе известно, адски виновным?

Стивен взял в руки кофейную кружку:

– Кто-то должен их защищать. Так работает наше законодательство. Если ты такой филантроп, иди работать в окружную прокуратуру. – Он вытащил из мусорного ведра розу, оторвал от нее стебель и заткнул цветок мне за ухо. – Тебе надо отвлечься. Что, если нам отправиться в Рехобот-Бич и заняться бодисерфингом? – Наклонившись ко мне, он добавил: – Гольшом.

– Стивен, секс – не пластырь.

– Извини, если забыл. – Он отступил назад. – Это было так давно.

– Не хочу сейчас ничего обсуждать.

– Да и нечего обсуждать, Эл. У меня уже есть дочь двадцати одного года.

– А у меня нет. – (Эти слова, робкие и подкупающие, повисли в воздухе наподобие мыльного пузыря, готового лопнуть.) – Послушай, я в состоянии понять, почему ты не хочешь делать обратную вазэктомию. Но есть же другие способы...

– Других нет. Не хочу смотреть, как ты вечерами изучаешь каталог доноров спермы. И не хочу, чтобы социальный работник шарил повсюду, начиная с моей налоговой отчетности и кончая ящиком для нижнего белья, в попытке определить, гожусь ли я для воспитания какого-нибудь китайчонка, оставленного умирать на вершине горы...

– Стивен, сейчас же прекрати! Ты потерял над собой контроль.

К моему удивлению, он немедленно успокоился, но сел, сжав губы и пыхтя от злости.

– Не стоило этого говорить, – наконец произнес он. – Знаешь, Элли, как мне обидно.

– Почему?

– Ты только что сказала... назвала меня долбаным троллем!

Я встретила с его взглядом:

– Я сказала, ты потерял над собой контроль.

Стивен заморгал, потом расхохотался:

– «Потерял контроль» – о господи! Я тебя не услышал.

«А когда ты в последний раз меня слышал?» – подумала я, но сдержалась и ничего не сказала.

Юридическая фирма «Пфистер, Краун и Дюпре» разместилась в деловом районе Филадельфии, расплзлась по трем этажам современного небоскреба из стекла и стали. Я не один час выбирала одежду для встречи с партнерами, забрав четыре костюма, пока не нашла тот, в котором, как мне казалось, выглядела более уверенной в себе. Воспользовалась сильным антиперспирантом, выпила чашку кофе без кофеина, опасаясь, что от натурального кофе у меня будут дрожать руки. Потом мысленно наметила путь к зданию, запланировав на поездку почти час, хотя до него было всего лишь пятнадцать миль.

Ровно в одиннадцать я скользнула за руль своей «хонды».

– Старший партнер, – глядя в зеркало заднего вида, пробормотала я. – Сумма меньше трехсот тысяч долларов в год неприемлема.

Надев солнцезащитные очки, я направила к шоссе.

Стивен оставил у меня в машине свою кассету с записями, как он любил говорить, офигенной музыкой, которую слушал по пути на судебные процессы. Чуть улыбнувшись, я включила кассету, и машину заполнил грохот барабанов бас-гитарного бэк-бита. Я сделала звук громким, таким громким, что едва услышала сердитый сигнал пикапа, который я подрезала, когда стремительно перестраивалась.

– Опля! – похлопывая по баранке, бормотала я.

Почти сразу же руль дернулся и попытался выскользнуть у меня из рук. Я крепче взялась за баранку, но это, казалось, заставило машину взбрыкнуть, как мустанга. Меня до самого нутра окатило волной страха. Такая мгновенная паника наступает, когда понимаешь, что происходит нечто ужасное и ничего уже не поправить. В зеркале заднего вида я увидела приближающийся грузовик, отчаянно сигналивший, а мой автомобиль, мощно содрогнувшись, остановился как вкопанный посреди трассы с ограничением по скорости движения шестьдесят миль в час.

Я закрыла глаза и приготовилась к удару, но его не последовало.

Полчаса спустя я продолжала трястись, стоя рядом с Бобом из «Автосервиса Боба», пока он пытался объяснить, что именно произошло с моей машиной.

– По сути дела, она расплавилась, – вытирая руки о комбинезон, произнес он. – Масло-сборник треснул, двигатель заклинило, и внутренние части спаялись вместе.

– Спаялись вместе... – медленно повторила я. – А как же их разъединить?

– Никак. Надо покупать новый двигатель. Цена вопроса пять или шесть тысяч.

– Пять или шесть... – (Механик пошел прочь от меня.) – Эй! А что мне до тех пор делать? Боб окинул взглядом мой костюм, мой портфель, мои туфли на высоком каблуке:

– Купите себе «Рибок».

Зазвонил телефон.

– Не будете отвечать на звонок? – спросил механик, и я поняла, что звук исходит из моего портфеля.

Вспомнив о назначенной в юридическом офисе встрече, я застонала. Я уже опоздала на пятнадцать минут.

– Где ты, черт поberi?! – прорычал Стивен, когда я ответила.

– У меня сломалась машина. Посередине трассы. Перед приближающимся грузовиком.

– Господи, Элли, вот зачем нужны такси!

От неожиданности я не нашлась что сказать. Никаких слов вроде: «Господи, с тобой все в порядке?» или «Хочешь, я приеду и помогу?». Я смотрела, как Боб качает головой, глядя на искореженные внутренности того, что было двигателем, и чувствовала, что на меня нисходит странное умиротворение.

– Вряд ли я смогу приехать сегодня, – сказала я.

Стивен тяжело вздохнул:

– Что ж, полагаю, я смогу убедить Джона и Стэнли перенести встречу. Перезвоню тебе.

Линия замолчала. Я рассеянно отключила телефон, потом вновь подошла к машине.

– А вот хорошая новость, – сообщил Боб. – После замены двигателя у вас фактически будет совершенно новая машина.

– Мне нравилась моя старая.

Он пожал плечами:

– Тогда представьте себе, что это ваша старая машина. Но с новым сердцем.

Я вдруг воочию увидела грузовик, ехавший за мной по трассе, который вихлял и гудел, увидела другие автомобили, обтекающие меня, как камень в реке. Ощутила запах горячего размякшего асфальта, в нем вязли мои каблуки, когда я, пошатываясь, переходила трассу. Я не из тех, кто безоговорочно верит в судьбу, но это был слишком внятный зов, явный знак, словно необходимо было, чтобы кто-то остановил меня, не дожидаясь, пока я пойму, что бегу не в ту сторону. После того как сломалась моя машина, я позвонила в полицию штата и на несколько сервисных станций, но даже не подумала позвонить Стивену. Почему-то я поняла: если меня надо спасти, то сделаю это я сама.

Снова зазвонил телефон.

– Хорошая новость, – не дав мне вставить слово, сообщил Стивен. – Важные парни хотят встретиться с тобой сегодня в шесть часов.

В тот самый момент я поняла, что уеду.

Стивен помог погрузить мои вещи в багажник машины.

– Я вполне понимаю... – начал он, хотя ничего не понимал. – Тебе надо сделать передышку, перед тем как приняться за следующее большое дело.

Я хотела сделать передышку, перед тем как решить, захочу ли когда-нибудь взяться за другое дело, но это было выше понимания Стивена. Не для того посещаешь юридический колледж, составляешь обзоры по законодательству и работаешь не покладая рук, добиваясь судебного процесса всей жизни, чтобы подвергнуть сомнению выбор карьеры. Но, с другой стороны, Стивен не мог смириться с тем, что я уйду навсегда. Я знала это, потому что сама чувствовала то же самое. За восемь наших совместных лет мы не поженились, но и не расстались.

– Позвонишь, когда доберешься туда? – спросил Стивен и, не дав мне ответить, поцеловал меня.

Мы резко оторвались друг от друга, я села в машину и уехала.

Полагаю, другие женщины в моей ситуации – я имею в виду разбитое сердце, сумбур в голове и недавно полученную значительную сумму денег – могли выбрать иное место. Большой Кайман, Париж, даже медитативный поход по Скалистым горам. Для меня представлялось несомненным, что, пожелай я заняться зализыванием своих ран, то оказалась бы в Парадайсе, Пенсильвания, где у моего двоюродного деда была ферма. В детстве я каждое лето проводила там неделю. Дед до самой своей смерти постепенно продавал участки и клочки земли, после чего в усадьбный дом переехал его сын Фрэнк, посадил газонную траву на месте кукурузного поля и открыл деревообрабатывающую мастерскую. Фрэнк был ровесником моего отца и женился на Леде задолго до моего рождения.

Не могу рассказать вам, чем я занималась в эти летние каникулы в Парадайсе, но на все последующие годы со мной остался покой, наполнявший их дом, и неторопливая деловитость, с какой там все происходило. Поначалу я думала – это оттого, что у Леды с Фрэнком не было детей. Позже я осознала, что дело в самой Леде, в том факте, что она выросла в общине амишей.

Невозможно было провести лето в Парадайсе и не встретить амишей-староверов, неотъемлемую часть округа Ланкастер. «Простые люди», как они себя называли, разъезжали в своих багги в гуще автомобильного потока, облаченные в старомодную одежду, стояли в очереди в бакалейный магазин, застенчиво улыбаясь из-за прилавков фермерских киосков, куда мы приходили покупать свежие овощи. Вот так я и узнала о прошлом Леды. Мы собирались купить охалку сладкой кукурузы, когда Леда завязала разговор – на пенсильвано-немецком диалекте! – с женщиной-продавщицей. Мне было одиннадцать, и, услышав, как Леда – такая же американка, как и я, – перешла вдруг на немецкий, я очень удивилась. Потом Леда вручила мне десятидолларовую купюру.

– Элли, отдай это даме, – сказала она, несмотря на то что стояла рядом и могла сделать это сама.

В машине по пути домой Леда объяснила мне, что была «простой», пока не вышла замуж за Фрэнка, который не принадлежал к «простым». По законам их религии на нее был наложен запрет, ограничивающий социальные контакты с амишами. Она могла разговаривать с амишскими друзьями и родными, но не могла есть с ними за одним столом. Она могла сидеть рядом с ними в автобусе, но не могла подвозить их на своей машине. Могла покупать у них, но нуждалась в третьей стороне – в данном случае во мне – для осуществления купли.

Ее родители, сестры и братья жили менее чем в десяти милях от нас.

– Тебе разрешают с ними видеться? – спрашивала я.

– Да, но это случается редко, – отвечала Леда. – Когда-нибудь поймешь, Элли. Я сторонюсь их не потому, что это неудобно мне. Я держу дистанцию потому, что это неудобно для них.

Леда ждала поезд, прибывающий на железнодорожную станцию Страсбург. Я вышла из вагона с двумя сумками, и она протянула ко мне руки.

– Элли, Элли! – запела она.

От Леды пахло апельсинами и стеклоочистителем. На ее широкое плечо так приятно было положить голову. Мне было тридцать девять, но в объятиях Леды я почувствовала себя снова одиннадцатилетней.

Она привела меня на небольшую автомобильную стоянку.

– Расскажешь мне, что случилось на этот раз?

– Ничего не случилось. Просто захотелось тебя навестить.

– Обычно ты навещаешь меня только на грани нервного срыва, – фыркнула Леда. – Что-то произошло со Стивеном? – Я не ответила, и она прищурила глаза. – Или, может, со Стивеном ничего не произошло – и проблема в этом?

– Стивен тут ни при чем, – вздохнула я. – Я закончила очень трудное дело, и... мне нужно расслабиться.

– Но ты выиграла это дело. Я видела в новостях.

– Угу, но выиграть – не самое главное.

К моему удивлению, Леда ничего не сказала в ответ. Как только она выехала на трассу, я уснула и резко проснулась, когда мы въехали на ее подъездную дорожку.

– Прости, – смущенно сказала я. – Не ожидала, что сразу вырублюсь.

Леда с улыбкой похлопала меня по руке:

– Можешь отдохнуть у нас столько, сколько захочешь.

– О, я ненадолго.

Я достала с заднего сиденья чемоданы и вслед за Ледой поднялась по ступеням крыльца.

– Что ж, мы рады принять тебя на две ночи или на два десятка ночей. – Она наклонила голову. – Телефон звонит, – сказала она, толкнув дверь и бросившись к телефону. – Алло?

Я поставила чемоданы и потянулась, чтобы размять затекшую спину. Кухня Леды была, как всегда, чистенькой и выглядела в точности, как я ее помнила: на стене вышивка в рамке, банка для печенья в форме свинки, черно-белые квадраты линолеума. Закрыв глаза, я с легкостью представила себе, что никогда отсюда не уезжала, что самым трудным решением, которое мне пришлось принять в тот день, был выбор между садовым креслом на лужайке и скрипучими качелями на террасе с навесом. Леда, стоящая на другом конце кухни, была явно удивлена, услышав голос позвонившего человека.

– Сара, Сара, тише... – успокаивала она. – Was ist letz? – Я улавливала лишь обрывки незнакомых слов. – ...an Kind... er hat an Kind gfun... es Kind va dodt.

Опустившись на табурет у столешницы, я ждала, когда Леда закончит разговор.

Но и после окончания разговора Леда долго держала трубку в руках, а потом, бледная и потрясенная, повернулась ко мне:

– Элли, прости, но мне придется поехать в одно место.

– Хочешь, чтобы я...

– Оставайся здесь, – твердо произнесла Леда. – Ты приехала отдыхать.

Я смотрела, как отъезжает ее машина. Какой бы трудной ни оказалась проблема, Леда все уладит. Ей всегда это удавалось. Положив ноги на второй табурет, я улыбнулась. Я пробыла в Парадаисе каких-то пятнадцать минут, а мне уже стало лучше.

Глава 3

– Neh! – визжала Кэти, лягая парамедика, пытавшегося посадить ее в «скорую помощь». – Ich will net gay!

Лиззи смотрела, как сопротивляется девушка. Подол ее темно-зеленого платья был запятнан кровью. Плотным полукругом стояли потрясенные Фишеры, Сэмюэл и Леви. Стиснув зубы, вперед вышел высокий блондин.

– Отпустите ее, – сказал он на чистом английском.

Парамедик обернулся:

– Приятель, я только хочу помочь ей. – Ему удалось затолкать Кэти в заднюю часть «скорой». – Мистер и миссис Фишер, вас приглашают поехать с нами.

Сара Фишер рыдала, ухватившись за рубашку мужа и умоляя его о чем-то на языке, непонятном для Лиззи. Он покачал головой, потом повернулся и пошел прочь, приглашая мужчин идти вместе с ним. Сара робко забралась в «скорую» и, взяв дочь за руку, что-то нашептывала ей, пока Кэти не успокоилась. Парамедики закрыли двойные двери, машина загромыхала по длинной подъездной дорожке, раскидывая гальку и поднимая клубы пыли.

Лиззи понимала, что ей придется поехать в больницу, чтобы побеседовать с врачами, которые будут осматривать Кэти, но пока не двинулась с места. Вместо этого она наблюдала за Сэмюэлом. Он не пошел за Аароном Фишером, а стоял точно вкопанный и смотрел, как «скорая» исчезает из виду.

Мир проносился мимо. Цепочка флуоресцентных ламп над головой напоминала разметку посередине мощеной дороги, быстро бегущую, если смотреть с заднего сиденья багги. Носилки, на которых она лежала, резко остановились, и голос над ее головой произнес:

– По моей команде – раз, два, три!

Кэти пронесли по воздуху и опустили на холодный сверкающий стол.

Парамедик сообщил врачам ее имя, а также – Боже правый! – что у нее кровотечение там, внизу. Над девушкой склонилось женское лицо, и голос произнес:

– Кэти? Ты говоришь по-английски?

– *Ja*, – пробормотала она.

– Кэти, ты беременна?

– Нет!

– Можешь сказать, когда у тебя была последняя менструация?

У Кэти зарделись щеки, и она молча отвернулась.

Она поневоле обратила внимание на осветительные приборы и шум этой странной больницы. Яркие экраны, заполненные волнообразными линиями, доносящиеся со всех сторон гудки и жужжание, редкие голоса, звучащие со странной синхронностью и напоминающие ей о церковных гимнах, исполняемых многоголосым круговым канонам.

– Кровяное давление восемьдесят на сорок, – сказала медсестра.

– Частота пульса сто тридцать.

– Частота дыхания?

– Двадцать восемь.

Врач повернулся к матери Кэти:

– Миссис Фишер, ваша дочь была беременна? – (Потрясенная до глубины души, Сара уставилась на мужчину.) – Господи... – пробормотал врач. – Снимите с нее юбку.

Кэти почувствовала, как чьи-то руки стаскивают с нее одежду, дергают за нижнее белье.

– Это часть платья, и я не могу найти пуговицы, – пожаловалась медсестра.

– Их там нет, оно сплошное. Что за...

– Разрежьте, если надо. Мне потребуется анализ мочи и кала, анализ на ХГЧ и клинический анализ крови. Отошлите данные по группе крови и ее совместимости в банк крови. – (Перед Кэти снова всплыло лицо врача.) – Кэти, я сейчас осмотрю твою матку. Понимаешь меня? Расслабься. Мне надо ощупать у тебя между ног...

При первом же осторожном подходе Кэти лягнула врача.

– Держите ее! – скомандовал врач, и две медсестры закрепили ее лодыжки ремнями. – А теперь просто расслабься. Я не сделаю тебе больно. – Пока доктор диктовал медсестре с планшетом, по щекам Кэти катились слезы. – Помимо лохий, мы имеем вялую, не сократившуюся матку размером около двадцати восьми недель. Похоже на открытое устье шейки матки. Сделаем ультразвук, чтобы понять, с чем мы имеем дело. Как кровотечение?

– По-прежнему сильное.

– Вызовите сюда акушера-гинеколога.

Медсестра завернула кусочек льда в ткань и положила Кэти между ног.

– От этого тебе станет лучше, детка, – прошептала она.

Кэти попыталась сосредоточиться на лице медсестры, но перед глазами была пелена, ноги и руки дрожали. Медсестра, заметив это, укутала ее вторым одеялом. Кэти хотелось поблагодарить женщину, сказать, что ей действительно нужен человек, который поддержит ее и не даст развалиться на куски прямо на столе, но она не могла подобрать нужных слов на английском.

– Ты поправишься, – успокаивала ее медсестра.

Искоса посмотрев на мать и понадеявшись, что так оно и будет, Кэти закрыла глаза и ненадолго отключилась.

На железнодорожной платформе мать вложила ей в руку пять двадцатидолларовых купюр.

– Помнишь, на какой станции будет пересадка? – (Кэти кивнула.) – Если он тебя не встретит, позвони ему. – Мама коснулась щеки Кэти. – На этот раз в случае необходимости можно позвонить по телефону.

Само собой разумелось, что звонок по телефону – это наименьший из ее грехов. Впервые со времени отъезда ее брата Джейкоба Кэти, которой было всего двенадцать, поехала навещать его в Стейт-Колледж, где он учился в университете.

Ее мать с беспокойством оглядывалась на пассажиров, ожидающих посадки, надеясь не попасться на глаза другим «простым людям», которые могли бы сообщить Аарону, что его жена и дочь солгали ему.

К станции плавно подкатил сверкающий поезд компании «Амтрак», и Кэти крепко обняла мать.

– Могла бы поехать со мной, – сердито прошептала она.

– Я тебе не нужна. Ты большая девочка.

Кэти не о том хотела сказать, и обе они это знали. Отправься Сара в Стейт-Колледж, она послушалась бы мужа, а допустить этого было нельзя. Посылать Кэти в качестве вестника своей любви было все равно что ходить по тонкой проволоке неповиновения. К тому же Кэти не была еще крещена в церкви. Согласно «Орднунгу», Саре не разрешалось садиться в машину с отлученным от Церкви сыном, не разрешалось есть с ним за одним столом.

– Поезжай, – скупой улыбнувшись дочери, сказала она. – Вернешься и все мне о нем расскажешь.

В поезде Кэти сидела особняком, прячась от любопытных взглядов людей, которые пялились на ее одежду и головной убор. Сложив руки на коленях, она стала думать о том дне, когда в последний раз видела Джейкоба с его сияющими на солнце медными волосами, навсегда уходящим из дома.

Наконец поезд подъехал к городку Стейт-Колледж, и Кэти прижалась лицом к окну, выискивая брата в море английских лиц. Разумеется, она привыкла к обычным людям, не состоящим в их общине, даже на самых оживленных улицах Ист-Парадайса очень редко встречались люди, одетые, как она, и говорящие на ее языке. Однако люди, ожидающие на платформе, были одеты так пестро, что у Кэти закружилась голова. Крошечные топы и шорты на некоторых женщинах прикрывали лишь небольшую часть тела. Кэти с ужасом заметила молодого человека с кольцами в носу и ухе, соединенных цепочкой.

Джсейкоба не было видно.

Сойдя с поезда, Кэти стала медленно крутиться на месте, опасаясь, что ее увлечет за собой плотная толпа. Вдруг она почувствовала, как кто-то тронул ее за плечо:

– Кэти?

Повернувшись, она увидела брата и вспыхнула от радости. Конечно, она просмотрела его, поскольку ожидала увидеть Джсейкоба в соломенной шляпе с широкими полями и черных брюках с подтяжками. Однако он, чисто выбритый, был в клетчатой рубашке с коротким рукавом и в штанах защитного цвета.

Кэти бросилась к нему на шею, крепко обнимая, и только сейчас поняла, как ей не хватало брата.

– Мама так скучает по тебе, – чуть дыша, сказала Кэти. – Она говорила, я должна ей все-все рассказать о тебе.

– Я тоже скучаю по ней. – Джсейкоб обнял сестру за плечи и, чуть подталкивая, повел через толпу. – По-моему, ты выросла на целый фут. – На парковке он подвел Кэти к маленькой голубой машине, и Кэти с удивлением взглянула на нее. – Это моя, – тихо произнес Джсейкоб. – Кэти, а чего ты ожидала?

По правде сказать, она ничего не ожидала. За исключением того, что брат, которого она всегда любила и который отвернулся от их религии и поступил в колледж, мог жить своей прежней жизнью... только в другом месте, а не в Ист-Парадайсе. Все это – необычная одежда, крошечный автомобиль – заставило ее усомниться: а так ли уж не прав с самого начала был отец, считавший, что Джсейкоб, продолжив образование, не сможет оставаться в душе «простым».

Джсейкоб открыл перед ней дверцу, а потом и сам залез в машину.

– И где, по мнению отца, ты сейчас находишься? – спросил он.

В неумолимых глазах отца отлучение Джсейкоба от Церкви амишей было равносильно смерти. Аарон Фишер не стал бы одобрять визит Кэти к Джсейкобу точно так же, как не одобрил бы письма, которые мать писала Джсейкобу, а Кэти тайно отправляла с почты.

– У тети Леды.

– Очень остроумно. Вряд ли у него хватит терпения долго с ней говорить, и, значит, ложь не всплывет. – Джсейкоб криво улыбнулся. – Думаю, нам следует держаться вместе.

Кэти сложила руки на коленях.

– Оно того стоит? – тихо спросила она. – Колледж – это все, что ты хотел?

Джсейкоб некоторое время изучал ее.

– Это не все, потому что вас всех здесь нет.

– Знаешь, ты ведь можешь вернуться. Вернуться в любое время и признать свою вину.

– Могу, но не стану. – Увидев насупленные брови Кэти, Джсейкоб потянулся к ней и подергал за длинные завязки ее капора. – Эй! Я все тот же парень, который толкал тебя в пруд, когда мы удили. И подкладывал лягушек тебе в постель.

– Вот в этом-то тебе лучше бы измениться, – улыбнулась Кэти.

– Ах ты, девочка моя! – рассмеялся Джсейкоб. – У меня для тебя кое-что есть. – Дотянувшись до заднего сиденья, он достал пакет, завернутый в воценную бумагу и перевязанный красной ленточкой. – Не пойми превратно, но я хочу, чтобы для тебя здесь был праздник.

Бегство от реальности. И может быть, тебе не придется делать тот же категоричный выбор, как мне.

Он смотрел, как сестра развязывает бантик и открывает пакет, в котором оказались пара мягких леггинсов, ярко-желтая футболка и кардиган из хлопка, вышитый россыпью цветов.

– О-о-о... – очарованная помимо воли, произнесла Кэти и провела пальцами по воротнику кардигана. – Но я...

– На то время, пока ты здесь. Тебе неловко будет носить здесь свою обычную одежду. А в такой... ну, никто никогда не узнает Кэти. Я подумал, может быть, на время притворись. Будь, как я. Вот.

Джейкоб опустил перед Кэти защитный козырек и достал маленькое зеркальце, потом приложил к ней кардиган, чтобы она увидела свое отражение.

Кэти покраснела:

– Джейкоб, как красиво!

Даже Джейкоб поразился тому, что, признав это, сестра стала похожа на какого-то другого человека, выросшего вдали от него.

– Да, – согласился он. – Красиво.

По пути в больницу Лиззи позвонила по автомобильному телефону в офис окружного прокурора.

– Джордж Каллахэн, – отрывисто проговорил голос на другом конце.

– Подумать только. Попала на главного босса. Где твоя секретарша?

Узнав ее голос, Джордж рассмеялся:

– Не знаю, Лиззи. Полагаю, умчалась куда-то. Хочешь занять ее должность?

– Не могу. Очень занята арестами людей, которым окружной прокурор будет предъявлять иски.

– А-а... должен поблагодарить тебя за это. Мой собственный маленький источник занятости.

– Что ж, считай, что работой ты обеспечен: в коровнике у амишей мы нашли мертвого младенца, и что-то здесь не сходится. Сейчас еду в больницу допросить вероятную подозреваемую – и хочу предупредить, что в скором времени тебе, возможно, придется предъявлять обвинение.

– Сколько ему и где его нашли? – деловым тоном спросил Джордж.

– Несколько часов от роду, новорожденный. Он был под кипой одеял, – ответила Лиззи. – И, по словам людей, опрошенных на месте преступления, никакая женщина недавно не рожала.

– Ребенок был мертворожденным?

– Медицинский эксперт так не считает.

– Тогда, полагаю, мать родила ребенка и скрылась, – заключил Джордж. – Ты сказала, есть зацепка?

Лиззи помедлила с ответом:

– Звучит дико, Джордж, но сейчас в больнице с вагинальным кровотечением лежит восемнадцатилетняя девушка с амишской фермы, которая клялась всем на свете, что не была беременной.

Последовало напряженное молчание.

– Лиззи, когда в последний раз ты заводила на амиша уголовное дело?

– Знаю, но вещественные улики указывают на нее.

– Так у тебя есть доказательства?

– Ну, пока нет...

– Добудь их! – решительно произнес Джордж. – А потом перезвони мне.

У стойки медицинской сортировки стоял врач, объясняя только что подошедшей женщине-гинекологу, что ее ждет в отделении экстренной помощи.

– Похоже на атонию матки и задержку отделения продуктов зачатия, – сказала гинеколог, заглядывая в карту пациентки. – Я осмотрю ее, и мы поднимем ее в операционную на выскабливание. В каком состоянии ребенок?

Врач экстренной помощи понизил голос:

– По словам парамедиков, которые ее привезли, он не выжил.

Гинеколог кивнула, исчезнув за ширмой, где лежала Кэти Фишер.

Лиззи поднялась на ноги с пластикового стула, служившего ей наблюдательным пунктом. Если Джорджу нужны доказательства, она их добудет. Она возблагодарила Бога за то, что детективы носят обычную одежду, – офицер в форме не имел бы ни малейшего шанса получить конфиденциальную информацию без вызова в суд – и подошла к врачу.

– Извините, – тербя складки блузки, произнесла она. – Вы не знаете, каково состояние Кэти Фишер?

Врач поднял глаза:

– Вы кто?

– Я находилась в доме, когда у нее началось кровотечение. – (Это не было такой уж ложью.) – Просто хочу узнать, поправится ли она.

Кивнув, врач нахмурился:

– Полагаю, с ней все будет в порядке, но для нее гораздо безопасней было бы приехать в больницу на роды.

– Доктор, – с улыбкой сказала Лиззи, – не могу выразить, как я рада это слышать.

Леда толкнула дверь в палату своей племянницы. Кэти спала на приподнятой кровати. В углу молча, не шевелясь, сидела Сара. Увидев, что в палату входит сестра, Сара бросилась Леде в объятия.

– Слава Богу, ты пришла! – плакала она, крепко обнимая Леду.

Леда взглянула сверху на макушку Сары. Годы расчесывания волос на прямой пробор, стягивания их в тугий пучок и закалывания каппа² шпилькой оставили в ее волосах залысину, расширяющуюся с каждым годом, розовую и уязвимую, как родничок на макушке новорожденного. Леда поцеловала маленькое пятнышко и отодвинулась от Сары.

Сара быстро заговорила, словно в ней, как пар, поднимались слова:

– Врачи считают, что Кэти родила. Понадобилась медицинская помощь, чтобы остановить кровотечение. Ей сделали операцию.

Леда прикрыла рот ладонью:

– Совсем как у тебя после рождения Ханны.

– Я, но Кэти очень повезло. Она сможет иметь детей, не так, как было со мной.

– Ты сказала врачу о том, что тебе в свое время удалили матку?

– Мне не понравилась эта врачиха, – покачала головой Сара. – Она не поверила, когда Кэти сказала, что не рожала ребенка.

– Сара, у этих английских врачей... есть научные тесты для определения беременности. Эти тесты не врут, а вот Кэти могла. – Помолчав, Леда осторожно спросила: – Ты не замечала изменений в ее фигуре?

– Нет!

---

² *Капп* – головной убор амишских женщин, который представляет собой маленький чепчик с подвязками. Белый капп надевают в церковь, а черный предназначен для повседневной жизни.

Однако Леда понимала, что это ничего не значит. Некоторые женщины, особенно высокие, как Кэти, умудряются так носить ребенка, что беременность становится заметна лишь на последних месяцах. Кэти одевалась и раздевалась одна, и под колоколом фартука трудно было бы заметить увеличившийся живот. А то, что она раздалась в талии, могло пройти незамеченным, поскольку женские платья амишей-староверов скалывались булавками и можно было легко менять размер.

– Если бы она попала в беду, то сказала бы мне, – настаивала Сара.

– И что, по-твоему, произошло бы, признайся она?

Сара отвела взгляд:

– Это убило бы Аарона.

– Уж поверь мне, Аарон не согнется под сильным ветром. И лучше бы ему заняться этой проблемой, потому что это только начало.

– Как только Кэти вернется домой, к ней наведается епископ, я уверена, – вздохнула Сара и, подняв глаза на Леду, добавила: – Может, поговоришь с ней. Про *Meidung*³.

Ошарашенная Леда опустилась на стул у больничной кровати:

– Скрывать? Сара, я не говорю о наказании в рамках Церкви. Утром полиция обнаружила мертвого младенца, младенца, причастность к рождению которого Кэти отрицала. Они посчитают, что она и в другом тоже солгала.

– Значит, для этих англичан родить ребенка вне брака – преступление?! – с негодованием спросила Сара.

– Да, если мать оставляет его умирать. Если полиция докажет, что ребенок родился живым, Кэти попадет в большую беду.

– Господь поможет нам выпутаться из этого. – Сара резко выпрямилась. – А если нет, мы примем Его волю.

– Ты говоришь о Господней воле или о воле Аарона? Если Кэти арестуют, а ты послушаешься Аарона, и подставишь другую щеку, и не найдешь человека, который будет защищать ее в суде, то твою дочь посадят в тюрьму. На много лет. Может быть, навсегда. – Леда дотронулась до руки сестры. – Скольких еще детей ты позволишь этому миру отнять у тебя?

Сара села на край кровати. Она сплела свои пальцы с вялыми пальцами Кэти и сжала их. Сейчас, лежа в больничной рубашке с рассыпанными по плечам волосами, Кэти не была похожа на «простую». Она выглядела как любая другая молодая девушка.

– Леда, – прошептала Сара, – я не знаю, что мне делать.

– А я знаю, – сказала Леда и положила руку на плечо сестры.

– Детектив Манро, найдется минутка?

Минутки не было, но Лиззи кивнула полицейскому из группы по особо важным делам полиции штата, сотрудники которого весь день обыскивали ферму. Едва узнав, что Кэти Фишер будет госпитализирована по меньшей мере на ночь, Лиззи поехала к окружному судье для получения ордера на обыск дома и участка, а также на взятие анализа крови у Кэти на совпадение по ДНК. Занятая мыслями о тысяче разных дел, которые еще предстояло закончить, Лиззи попыталась переключить внимание на патрульного.

– Что у вас есть?

– По сути дела, место преступления достаточно чистое, – ответил он.

– Не стоит так удивляться, – сухо заметила Лиззи. – Хотя мы городские копы, но все окончили старшую школу. – Она без восторга вызвала группу по особо важным делам, поскольку те имели тенденцию смотреть свысока на местное правоприменение и отличались противной

---

³ *Meidung*, или отвергание, является формой социального отказа, используемого амишами в качестве наказания за неподчинение их религиозным и культурным кодексам.

привычкой отстранять назначенного детектива от руководства расследованием. Тем не менее навыки следственной деятельности полиции штата отличались большей прогрессивностью по сравнению с полицией Ист-Парадайса просто потому, что они чаще занимались расследованиями. – Отец доставил вам какие-нибудь хлопоты?

Полицейский пожал плечами:

– Фактически я его даже не видел. Часа два назад он вывел мулов в поле. – Коп вручил Лиззи закрытый пластиковый пакет с вещественным доказательством – белой ночной сорочкой из хлопка, запятнанной внизу кровью. – Это было под кроватью девушки, свернутое комом. Мы обнаружили также следы крови у пруда за домом.

– Она родила ребенка, вымылась в пруду, спрятала ночную сорочку и вернулась к себе в кровать.

– Ну, ребята, вы такие умные. Идите сюда, я хочу, чтобы вы взглянули на это. – Он привел Лиззи в кладовку, где был обнаружен труп младенца, и, присев на корточки, указал на какую-то грязь на полу, которая при ближайшем рассмотрении оказалась отпечатком ступни. – Это свежий навоз, то есть отпечаток был оставлен недавно.

– А возможно определить, чей он, как это делается по отпечаткам пальцев?

– Нет, – покачал головой патрульный, – но мы можем определить размер ступни. Это женский размер семь, большой ширины. – Он указал на коллегу, который вручил ей очередной пакет с вещественными доказательствами, содержащий пару неопрятных теннисных туфель. Надев перчатки, полицейский вытащил левую. Потом приподнял язычок, чтобы Лиззи увидела ярлык. – Женские кроссовки седьмого размера, большой ширины, – сказал он. – Обнаружены в шкафу Кэти Фишер.

Леви молчал, когда они ехали к нему домой, и Сэмюэл понимал: что-то важное удерживает парня от слов. Наконец, как только лошади остановились, Леви, не сдержавшись, спросил:

– Что, по-твоему, случится?

– Не знаю, – пожал плечами Сэмюэл.

– Надеюсь, с ней все в порядке, – уверенно произнес Леви.

– Я тоже надеюсь.

Уловив в своем голосе заминку, он кашлянул, чтобы Леви этого не заметил. Парень устоял на старшего кузена, потом выскочил из багги и побежал к дому.

Сэмюэл продолжал ехать по дороге, но пропустил поворот к дому своих родителей. Они уже наверняка слышали про Кэти и, разумеется, будут его расспрашивать. Он въехал в город и привязал лошадей у магазина Циммермана. Сэмюэл не стал заходить в магазин, а, обойдя здание, пошел по кукурузному полю, простирающемуся на север. Потом сорвал с себя шляпу и, держа ее в руке, помчался по полю. Стебли кукурузы хлестали его по лицу и торсу. Он бежал до тех пор, пока в ушах у него не зазвучала ревущая музыка собственного сердца, пока он вконец не запыхался и был уже не в силах сдерживать эмоции.

Тогда он опустил на землю и, лежа на спине, попытался отдышаться. Уставившись в размытую синеву вечернего неба, Сэмюэл не стал сдерживать слезы.

Элли листала журнал «Домашнее хозяйство», когда вернулась домой ее тетя.

– Все в порядке? Ты сорвалась из дома, как на пожар. – Потом она подняла глаза на Леду – растерянную, бледную, расстроенную. – Полагаю, не все в порядке.

Леда молча опустила в кресло и закрыла глаза; плоская сумочка соскользнула с плеча и шмякнулась на пол.

– Ты меня пугаешь, – с нервным смешком произнесла Элли. – Что случилось?

Распрямив спину, Леда поднялась и начала шарить в холодильнике. Достала огурцы, салат, морковь и выложила все это на столешницу. Вымыв руки, она взяла нож и принялась нарезать овощи на одинаковые кусочки.

– К ужину будет салат, – сказала она. – Не возражаешь?

– По-моему, еще только три часа. – Элли прошла вперед, взяла нож из рук Леды и пристально посмотрела на тетю. – Рассказывай.

– Моя племянница в больнице.

– Разве у тебя есть еще одна?.. – До Элли не сразу дошло, что это семья, о которой Леда обычно не говорила, – та, которую Леда оставила. – Она... больна?

– Она едва не умерла после родов.

Элли не знала, что на это сказать. Ничего более трагичного, чем родить ребенка, а потом лишиться возможности наслаждаться этим чудом, она не могла себе представить.

– Ей всего восемнадцать, Элли! – Умолкнув, Леда вцепилась пальцами в доску для нарезки. – Она не замужем.

В голове у Элли постепенно вырисовывался образ молодой незамужней девушки, пытающейся избавиться от плода.

– Значит, это был аборт?

– Нет, родился ребенок.

– Ну конечно, – поспешила добавить Элли, подумав, что происхождение Леды не могло сделать ее сторонницей абортов. – Какой у нее был срок?

– Почти восемь месяцев, – ответила Леда.

– Восемь месяцев? – заморгала Элли.

– Оказывается, когда обнаружили тело младенца, никто даже не знал о беременности Кэти.

По спине Элли поползли мурашки, но она приказала себе их не замечать. В конце концов, это не Филадельфия, не мать, сидящая на кокаине, а девушка из общины амишей.

– Значит, мертворожденный, – с сочувствием произнесла Элли. – Какая жалость!

Леда повернулась к Элли спиной и немного помолчала.

– Пока ехала домой, я говорила себе, что не стану этого делать, но я люблю Кэти не меньше, чем тебя. – Она глубоко вздохнула. – Элли, возможно, ребенок не был мертворожденным.

– Нет! – У Элли вырвалось это слово, произнесенное тихим взволнованным голосом. – Не могу. Не проси меня это делать, Леда.

– Но больше никого нет. Речь не идет о людях, понимающих толк в законе. Если предоставить дело моей сестре, Кэти отправится в тюрьму, виновна она или нет, потому что не в характере ее матери сопротивляться. – Леда горящими глазами пристально смотрела на Элли. – Они доверяют мне, а я доверяю тебе.

– Прежде всего, девочке не предъявлено формальное обвинение. Во-вторых, если бы и было, Леда, я не смогу ее защищать. Я ничего не знаю о ней и ее образе жизни.

– Разве ты живешь на тех же улицах, что и наркодилеры, которых защищала? Или в большом особняке на Мейн-лайн, как директор, которого ты оправдала?

– Здесь другое, и ты это понимаешь.

Не имело значения, что племянница Леды имела право говорить, как адвокат. Не имело значения, что Элли защищала других людей, обвиняемых в не менее отталкивающих преступлениях. Наркотики, педофилия и вооруженное ограбление не в такой степени задевали за живое.

– Но она невиновна, Элли!

Когда-то давно Элли решила, что станет адвокатом защиты ради спасения душ. Однако хватило бы пальцев одной руки, чтобы сосчитать клиентов, которые были несправедливо обви-

нены и которых она оправдала. Теперь она знала, что большинство ее клиентов были виновны в соответствии с обвинением, хотя все до единого имели мотив, о чем вопили до самой могилы. Она могла не соглашаться с криминальными действиями своих клиентов, но на каком-то уровне всегда понимала, что именно заставило их это сделать. Однако в текущий момент ее жизни ничто не могло заставить ее понять женщину, убившую собственное дитя.

В особенности когда рядом были женщины, отчаянно хотевшие ребенка.

– Я не могу взяться за дело твоей племянницы, – тихо произнесла Элли. – Я окажу ей плохую услугу.

– Хотя бы пообещай, что подумаешь об этом.

– Я не стану об этом думать. И постараюсь забыть, что ты просила об этом.

Элли вышла из кухни, пробиваясь сквозь разочарование Леды.

Большое тело Сэмюэла заполнило дверной проем палаты, напомнив Кэти, как она иногда, стоя рядом с ним в открытом поле, чувствовала себя в гуще толпы.

– Входи, – робко улыбнулась Кэти.

Он подошел к кровати, теребя в руках соломенную шляпу. Потом нагнул голову, и его щеки запылали ярким румянцем.

– Как ты?

– Хорошо, – ответила Кэти.

Она закусил губу, когда Сэмюэл придвинул стул и сел рядом с ней:

– Где твоя мама?

– Уехала домой. Тетя Леда вызвала ей такси, поскольку маме показалось неправильным ехать в ее машине.

Сэмюэл понимающе кивнул. Служба такси амишей, управляемая местными меннонитами, возила «простых людей» на большие расстояния или на автомагистралях, где багги не могли ездить. Что до поездок в машине Леды – что ж, он и это понимал. Леда была «в опале», и ему тоже было бы неловко ехать в ее автомобиле.

– Как... как там дома?

– Много дел, – тщательно подбирая слова, ответил Сэмюэл. – Сегодня мы сделали третий покос. – Поколебавшись, он добавил: – Полицейские все еще шныряют вокруг.

Он уставился на маленький розовый кулачок Кэти, лежащий поверх одеяла. Осторожно зажав в ладонях, Сэмюэл медленно поднес его к своей щеке.

Кэти погладила его по щеке, и Сэмюэл растаял от ласки. С сияющими глазами она открыла рот, чтобы заговорить, но Сэмюэл приложил палец к ее губам:

– Ш-ш-ш! Не сейчас.

– Но ты, наверное, что-то слышал, – прошептала Кэти. – Я хочу...

– Я не слушаю, что говорят вокруг. Я слушаю только то, что хочешь сказать ты.

Кэти сглотнула:

– Сэмюэл, я не рожала ребенка.

Он смотрел на нее какое-то время, потом сжал ее руку:

– Ну хорошо.

Кэти вскинула на него глаза:

– Ты веришь мне?

Сэмюэл разгладил одеяло у нее в ногах, подоткнув его, как ребенку. Потом уставился на сияющий водопад ее волос, понимая, что с самого детства не видел ее волосы распущенными и такими блестящими.

– Придется поверить, – ответил он.

Вышло так, что епископ церковного прихода Элама Фишера оказался его кузеном. Старый Эфрам Столицфус был неотъемлемой частью повседневной жизни. Даже будучи лидером конгрегации, он отличался чрезвычайной доступностью: останавливал багги на обочине, чтобы с кем-нибудь поболтать, или соскакивал с плуга посреди поля, чтобы внести предложение. Когда в начале того дня Элам рассказал ему о происшествии на ферме, епископ внимательно выслушал кузена и сказал, что ему нужно поговорить с некоторыми другими людьми. Элам предположил, что Эфрам имеет в виду дьякона церковного прихода или двоих священников, но епископ покачал головой:

– Бизнесмены. Они знают, как работает американская полиция.

Багги епископа Эфрама подъехал к их дому сразу после ужина, когда Сара убирала со стола. Элам и Аарон обменялись взглядами и вышли встречать гостя.

– Эфрам, – привязав лошадь и поздоровавшись с гостем за руку, произнес Аарон.

– Аарон. Как себя чувствует Кэти?

Аарон немного напрягся:

– Мне сказали, с ней все будет хорошо.

– Ты не ездил в больницу?

– Нет. – Аарон отвернулся.

Епископ наклонил голову, и его белая борода озарилась лучами заходящего солнца.

– Пройдемся немного?

Трое мужчин направились к огороду Сары. Элам опустился на каменную скамью, жестом приглашая Эфрама последовать его примеру. Однако епископ покачал головой и устремил взгляд вверх высоких кустов томатов и выходящих стеблей бобов, вокруг которых плясало облачко светлячков. Они искрились и кувыркались, как брошенная кем-то пригоршня звезд.

– Помню, как однажды много лет назад я наблюдал здесь за Джейкобом и Кэти, которые ловили светлячков и сажали их в банку. – Эфрам рассмеялся. – Джейкоб сказал, что мастерит амишский фонарь. Слышно что-нибудь от Джейкоба?

– Нет, и меня это устраивает, – тихо произнес Аарон.

– Аарон, его отлучили от Церкви, – покачал головой Эфрам, – а не вычеркнули из твоей жизни.

– Для меня это одно и то же.

– Знаешь, вот этого я понять не в силах. Поскольку прощение – самое главное правило.

Аарон встретился взглядом с епископом:

– Ты пришел сюда поговорить о Джейкобе?

– Нет, – ответил Эфрам. – Элам, после того как ты заглянул ко мне утром, я повидался с Джоном Циммерманом и Мартином Лэппом. По их мнению, если полицейские пробыли у вас весь день, они, вероятно, считают Кэти подозреваемой. Наверняка все крутится вокруг того, родился ли ребенок живым. Если да, то ее обвинят в его смерти. – Он хмуро взглянул на Аарона. – Мужчины предлагают поговорить с адвокатом, чтобы вы были во всеоружии.

– Кэти не нуждается в адвокате.

– И я на это надеюсь, – сказал епископ. – Но, если он все же понадобится, община ее поддержит. – И, колебавшись, добавил: – Понимаешь, на это время ей придется не показываться на людях.

Элам поднял взгляд:

– Значит, отказаться от причастия? Ее не отлучат от Церкви?

– Разумеется, мне надо сначала поговорить с Сэмюэлом, а потом подумать. – Эфрам положил руку на плечо Аарона. – Это не первый случай, когда молодая пара опережает первую брачную ночь. Конечно, весьма печально, что ребенок умер. Однако душевные страдания в той же мере укрепляют брак, что и счастье. А что до обвинения Кэти в чем-то другом – что ж, никто из нас в это не верит.

Повернувшись, Аарон стряхнул с плеча руку епископа:

– Спасибо. Но мы не станем нанимать адвоката для Кэти и обращаться в Englischer суд. Это не наш путь.

– Аарон, что заставляет тебя всегда проводить границу, а потом подначивать людей пересечь ее? – вздохнул Эфрам. – Вот это точно не наш путь.

– Извините, но у меня много дел. – Кивнув епископу и отцу, Аарон зашагал к коровнику. Двое пожилых мужчин молча наблюдали за ним.

– У тебя однажды уже был с ним подобный разговор, – заметил Элам Фишер.

– Да, – грустно улыбнулся епископ. – И в тот раз я тоже говорил с каменной стеной.

Кэти снилось, что она падает. С неба, как птица с израненным крылом. Навстречу ей мчалась земля. Сердце застряло в горле, не давая вырваться крику, и в самый последний момент она осознала, что падает на коровник, поля, свой дом. Закрыв глаза, она рухнула на землю. Весь ландшафт от удара рассыпался, как яичная скорлупа, и, оглядевшись по сторонам, она ничего не узнала.

Вглядываясь в темноту, Кэти попыталась сесть на кровати. Из ее тела наподобие корней росли провода и пластиковые трубки. Живот ощущался мягким, руки и ноги – тяжелыми.

Небо рассекал серпик луны, виднелись редкие звезды. Кэти засунула руки под одеяло, положив их на живот.

– Ich hab ken Kind kaht, – прошептала она. *Я не рожала ребенка.*

На одеяло закапали слезы.

– Ich hab ken Kind kaht. Ich hab ken Kind kaht, – бормотала она вновь и вновь, пока эти слова не превратились в ручеек, бегущий по ее венам, в ангельскую колыбельную.

Факс дома у Лиззи загудел сразу после полуночи, когда она тренировалась на бегущей дорожке. Адреналин, по крайней мере, помогал ей не заснуть и отлично годился для тренировки, утомившись после которой она могла бы урвать несколько часов сна. Выключив бегущую дорожку, Лиззи подошла к факсу и, истекая потом, ждала, пока не появятся страницы. При взгляде на первую страницу отчета из офиса судмедэксперта ее пульс подскочил еще больше. Постепенно до ее сознания начал доходить смысл этих страшных слов.

«Младенец мужского пола, 32 недели; 39,2 см от макушки до пяток; 26 см от макушки до крестца. Легочная жизненная проба... расширенные альвеолярные трубки... крапчатые от розового до темно-красного... левое и правое легкое опали, не считая частичной и неравномерной аэрации. В среднем ухе присутствует воздух. Синяк на верхней губе; на деснах волокна хлопка».

– Боже правый... – поежившись, прошептала она.

Лиззи несколько раз встречалась с убийцами. Мужчина, из-за пачки «Кэмел» зарезавший хозяина ночного магазина; парень, насилувавший девушек-студенток и оставлявший их истекать кровью на полу общежития; женщина, выстрелившая в лицо своему спящему мужу, который жестоко с ней обращался. В этих людях было нечто, наводившее Лиззи на такую мысль: если открыть их, как матрешку, в середине окажется горячий тлеющий уголек.

Но это совсем не подходило к амишской девушке.

Лиззи стянула с себя спортивную одежду и пошла в душ. Пока девушке не ограничили свободу передвижения и формально не обвинили, Лиззи хотела заглянуть в глаза Кэти Фишер, чтобы понять, что же у нее за душой.

Лиззи вошла в палату в четыре часа утра, но Кэти не спала. Она была одна. С удивлением она посмотрела на детектива широко раскрытыми голубыми глазами:

– Здравствуйте.

Улыбнувшись, Лиззи села у кровати:

– Как ты себя чувствуешь?

– Лучше, – тихо произнесла Кэти. – Сил прибавилось.

Лиззи взглянула на книгу в руках Кэти. Это была Библия.

– Мне ее принес Сэмюэл, – сказала девушка, смущенная хмурым выражением лица женщины. – Разве это здесь запрещено?

– О нет, разрешено, – ответила Лиззи и почувствовала, как закачалась башня доказательств, которую она тщательно возводила целые сутки: эта девушка из амишей; может ли одна эта вопиющая несообразность разрушить башню? – Кэти, врач сказал, что с тобой приключилось?

Кэти подняла глаза. Засунув палец в Библию, она с шуршанием страниц закрыла книгу и кивнула.

– Когда я говорила с тобой вчера, ты сказала мне, что не рожала ребенка. – Лиззи глубоко вздохнула. – Я вот думаю, почему ты это сказала.

– Потому что у меня не было ребенка.

Лиззи недоверчиво покачала головой:

– Тогда почему у тебя открылось кровотечение?

Поднимаясь от ворота больничной рубашки, лицо Кэти залил темный румянец.

– У меня месячные, – тихо сказала она, но, смутившись, отвернулась. – Хоть я из «простых», детектив, но я не глупая. Неужели вы думаете, что я не поняла бы, если бы у меня родился ребенок?

Реакция была такой открытой, такой искренней, что Лиззи мысленно отступила назад. «Что я делаю не так?» Она допрашивала сотни людей, сотни лжецов – и все же Кэти Фишер единственная, кто запал ей в душу. Она посмотрела в окно на тлеющий красным сиянием горизонт и поняла, в чем состоит разница. Здесь не было притворства. Кэти Фишер верила в то, что говорила.

Лиззи откашлялась, приготовившись атаковать с другой стороны.

– Хочу задать тебе один неловкий вопрос, Кэти... У тебя были с кем-нибудь сексуальные отношения?

Если такое было возможно, щеки Кэти запылали еще ярче.

– Нет.

– А твой белокурый друг скажет то же самое?

– Идите и спросите его! – дерзко ответила Кэти.

– Ты видела ребенка вчера утром, – с плохо скрываемым разочарованием сказала Лиззи. – Как он туда попал?

– Не имею понятия.

– Хорошо. – Лиззи потеряла виски. – Он не твой.

Лицо Кэти осветилось широкой улыбкой.

– Именно это я и пыталась вам сказать.

– Она единственная подозреваемая. – Лиззи смотрела, как Джордж запихивает в рот полную вилку картофельных оладий; они встречались в кафе, находящемся на полпути между офисом окружного прокурора и Ист-Парадайсом, – в том самом, где, по отзывам публики, подавали лишь блюда, удваивающие уровень холестерина. – Заработаешь себе сердечный приступ, если будешь таким прожорливым, – хмурясь, предупредила она.

Джордж отмахнулся от ее замечания:

– При первых признаках аритмии попрошу у Бога отсрочку.

Отломив кусочек от кекса, Лиззи опустила взгляд на свои записи:

– У нас есть окровавленная ночная сорочка, отпечаток ступни ее размера, заключение врача о том, что она была первородящей, заключение судмедэксперта о том, что ребенок задышал, плюс то, что ее кровь соответствует крови, обнаруженной на коже ребенка. – Лиззи положила кусочек себе в рот. – Ставлю пятьсот долларов за то, что по результатам теста ДНК она будет связана с ребенком.

Джордж вытер рот салфеткой:

– Это важные сведения, Лиззи, но не знаю, сводится ли все это к непредумышленному убийству.

– Я не дошла еще до решающего аргумента, – сказала Лиззи. – Судмедэксперт обнаружил синяки на губах ребенка и волокна на деснах и в глотке.

– Волокна от чего?

– От рубашки, в которую он был завернут. Предполагается, что эти два факта вместе говорят об удушении.

– Удушение? Лиззи, это не какая-нибудь девчонка из Джерси, которая родила в туалете в «Парамус-молл», а затем снова пошла по магазинам. Амиши не убивают даже мух, клянусь тебе!

– Когда в прошлом году два амишских паренька торговали вразнос кокаином, газеты вынесли это на первые полосы, – возразила Лиззи. – Что скажут об убийстве «60 минут»? – Она заметила искру в глазах Джорджа, оценивающего свое отношение к обвинению амишской девушки в противовес перспективе какого-нибудь громкого дела с убийством. – В амишском коровнике есть мертвый младенец, и есть дитя, которое произвело его на свет, – мягко произнесла она. – Подумай сам, Джордж. Не я виновата в том, что случилось, но даже я понимаю, что нам придется предъявить ей обвинение, и сделать это быстро. Завтра ее выпишут из больницы.

Джордж педантично разрезал на небольшие квадратики поджаренную с одной стороны яичницу, потом, не съев ни кусочка, положил нож и вилку на край тарелки.

– Если мы докажем удушение, то ей может быть предъявлено обвинение в убийстве первой степени. Сознательное, умышленное и спланированное. Она скрыла беременность, родила ребенка и избавилась от него. – Джордж поднял глаза. – Ты допрашивала ее?

– Ага.

– И?..

Лиззи скривила губы:

– Она по-прежнему считает, что не рожала ребенка.

– Что это значит, черт побери?!

– Она придерживается своей версии.

Джордж нахмурился:

– Она не показалась тебе помешанной?

Есть большая разница между сумасшедшим с юридической точки зрения и сумасшедшим в разговорной речи, но в этом случае, по мнению Лиззи, Джордж различий не делал.

– Она похожа на обыкновенную соседскую девчонку, которая читает Библию вместо Вирджинии Эндрюс⁴.

– О да, – вздохнул Джордж. – Эту придется привлечь к суду.

Сара Фишер закрепила капп на голове дочери:

– Ну вот. Теперь ты готова.

Кэти откинулась на подушку в ожидании, когда придет девушка-волонтер с креслом-каталкой и отвезет ее в вестибюль. Врач только что выписал Кэти и дал матери таблетки на случай, если у дочери возобновятся боли. Кэти пошевелилась, сложив руки на животе.

---

⁴ Вирджиния Эндрюс (1923–1986) – американская писательница, известная своими эпатажными романами. – *Примеч. ред.*

Тетя Леда обняла ее:

– Можешь пожить у меня, если еще не готова вернуться домой.

– Спасибо. Но мне надо вернуться, – покачала головой Кэти. – Я хочу вернуться. – Она робко улыбнулась. – Понимаю, что это не имеет смысла.

Леда сжала ее плечи:

– Возможно, для меня это имеет смысл больше, чем для кого-либо другого.

Как только дверь распахнулась, Кэти вскочила на ноги, сгорая от желания поскорее отсюда уйти. Но вместо молодого волонтера, которого она ждала, в палату вошли двое полицейских в форме. Сара отступила назад, заняв место рядом с Ледой и Кэти. Они стояли, прижавшись друг к другу от страха.

– Кэти Фишер?

Девушка почувствовала, как под юбкой у нее задрожали колени.

– Это я.

– У нас ордер на ваш арест. – Один из полицейских осторожно взял ее за плечо. – Вы обвиняетесь в убийстве ребенка, обнаруженного в коровнике вашего отца.

Второй полицейский тоже подошел к ней. Кэти испуганно посмотрела поверх его плеча, пытаясь поймать взгляд матери.

– Вы имеете право хранить молчание, – сказал он. – Все, сказанное вами, в суде может быть и будет направлено против вас. Вы имеете право взять адвоката...

– Нет! – пронзительно закричала Сара, устремившись к дочери, которую полицейские подвели к двери.

Она побежала за ними, не обращая внимания на любопытные взгляды медицинского персонала и крики своей сестры.

Наконец у выхода из больницы Леда догнала Сару. Кэти плакала, простирая руки к матери, когда полицейский, положив ладонь на капп и пригнув ей голову, усаживал девушку в патрульный автомобиль.

– Можете встретиться с нами в окружном суде, мэм, – вежливо сказал он Саре, после чего уселся на переднее сиденье.

Когда машина уехала, Леда обняла сестру.

– Они забрали мою малышку! – рыдала Сара. – Забрали мою малышку.

Леда понимала, насколько неловко Саре ехать в ее машине, но экстренные обстоятельства требовали компромисса. Езда на машине с опальным членом общины несла в себе гораздо меньше угроз, чем пребывание в суде, предъявляющем дочери обвинение в убийстве, а именно это Саре предстояло в ближайшем будущем.

– Подожди здесь, – сказала Леда, вырывая на подъездную дорожку. – Дай поговорить с Фрэнком.

Оставив Сару на пассажирском сиденье, она побежала к дому.

Фрэнк сидел в гостиной, смотрел по телевизору повторный показ какого-то ситкома. Одного взгляда на лицо жены было достаточно, чтобы поднять его с кресла и в тревоге схватить ее за руки.

– С тобой все хорошо?

– Дело в Кэти. Ее повезли в окружной суд. Ее обвиняют в убийстве. – Леда с трудом выдавила из себя эти слова, а потом вдруг потеряла самообладание, дав волю чувствам в объятиях мужа, чего не могла позволить себе с Сарой. – Эфрам Столицфус собрал двадцать тысяч долларов у амишских бизнесменов на адвоката для Кэти, но Аарон не возьмет и пенни.

– Ей дадут государственного защитника, милая.

– Нет. Аарон ожидает, что она подставит другую щеку. И после того, что он сделал с Джейкобом, Кэти не станет ему перечить. – Леда зарылась лицом в рубашку мужа. – Она не сможет выиграть дело. Девочка не совершала этого, но в любом случае ее посадят в тюрьму.

– Подумай о Давиде и Голиафе, – сказал Фрэнк и большим пальцем смахнул слезы с лица Леды. – Где Сара?

– В машине. Ждет.

Он обхватил ее рукой за талию:

– Тогда пошли.

Через минуту после их ухода в гостиную вошла Элли. На ней были шорты для бега и майка на лямках. Когда Леда вернулась домой, Элли была в чулане при кухне, где зашнуровывала кроссовки для пробежки, и слышала каждое слово. С непроницаемым лицом Элли подошла к венецианскому окну и следила за машиной, пока та не пропала из виду.

Кэти пришлось спрятать руки под столом, чтобы никто не увидел, как сильно они дрожат. Она как-то умудрилась потерять в полицейской машине шпильку от своего каппа, и теперь он соскальзывал с головы. Но Кэти не собиралась его снимать, особенно сейчас, поскольку молиться следовало с покрытой головой, и она молилась с того самого момента, как машина отъехала от здания больницы.

Чуть поодаль от Кэти за другим столом сидел мужчина и, нахмурившись, смотрел на нее, хотя Кэти понятия не имела, что она такого сделала, чтобы так сильно его расстроить. Напротив Кэти, за столом на возвышении, сидел другой мужчина в черной накидке; в руке он держал деревянный молоток, которым стукнул по столу в тот момент, когда Кэти увидела проскользнувших в зал суда мать, тетю и дядю.

Мужчина с молотком прищурил глаза:

– Вы говорите по-английски?

– Да, – ответила Кэти и покраснела. – Да.

– В соответствии законом штата Пенсильвания вам предъявляется обвинение в убийстве первой степени, так как вы, Кэти Фишер, одиннадцатого июля тысяча девятьсот девяносто восьмого года предумышленно причинили смерть младенцу Фишеру на ферме Фишеров в городке Ист-Парадайз округа Ланкастер. Вам также предъявляется обвинение в менее тяжком убийстве третьей степени...

Слова лились на нее подобно ливню – чересчур много английского сразу, мешанина из всех этих звуков. Кэти закрыла глаза и слегка покачулась.

– Вы понимаете суть этих обвинений?

Она не поняла первого предложения. Но мужчина, казалось, ждал ответа, а еще ребенком Кэти узнала, что Englishers любят, когда с ними соглашаются.

– Да.

– У вас есть адвокат?

Кэти знала, что ее родители, как все амиши, не доверяют судебным искам. В редких случаях амишей вызывали в суд повесткой для дачи показаний... но никогда они не делали этого по собственному желанию. Через плечо Кэти бросила взгляд на мать, отчего сбился ее капп.

– Не хочу адвоката, – тихо сказала она.

– Вы знаете, что это означает, мисс Фишер? Это вам посоветовали родители? – (Кэти опустила глаза вниз.) – Это очень серьезное обвинение, юная леди, и полагаю, вам нужно взять адвоката. Если вы получите право на государственного защитника...

– В этом не будет необходимости.

Как и все находившиеся в зале суда, Кэти повернулась к двери, откуда исходил этот уверенный голос. К столу энергичной походкой подошла женщина с коротко остриженными, как у

мужчины, волосами, в ладно сшитом синем костюме и на высоких каблуках. Не глядя на Кэти, женщина положила свой портфель и кивнула судье:

– Я Элеонор Хэтэуэй, адвокат обвиняемой. Мисс Фишер не нужен государственный защитник. Прошу прощения за опоздание, судья Горман. Разрешите мне пять минут поговорить с моей клиенткой.

Судья махнул в знак согласия, и, не дав Кэти разобраться в происходящем, эта незнакомая Элеонор Хэтэуэй подняла ее со стула. Придерживая на голове капп, Кэти пошла рядом с адвокатом по центральному проходу зала суда. Она увидела плачущую тетю Леду, которая махнула ей рукой, и подняла руку, чтобы махнуть в ответ, не сразу поняв, что это приветствие было обращено к Элеонор Хэтэуэй, а вовсе не к ней, Кэти.

Адвокат привела Кэти в небольшую комнату, забитую канцелярскими товарами, закрыла за собой дверь, прислонилась к ней и сложила руки на груди:

– Извини за неожиданное появление, я Элли Хэтэуэй и не сомневаюсь, что ты – Кэти. Потом у нас будет много времени на разговоры, но сейчас я хочу знать, почему ты отказалась от адвоката.

Кэти то открывала, то закрывала рот, однако наконец совладала с голосом:

– Мой папа не хочет, чтобы у меня был адвокат.

Элли закатила глаза, явно не в восторге от услышанного:

– Сегодня ты сделаешь заявление о своей невинности, а потом мы поболтаем. Сейчас важно другое: при таких обвинениях тебя не выпустят под залог, если только мы не сможем обойти пункт закона о «доказательстве и презумпции».

– Я... я не понимаю.

Не поднимая глаз от листов бумаги, которые она просматривала, Элли ответила:

– Это означает, что, если тебя обвиняют в убийстве и доказательство очевидно или презумпция обоснованна, тебя не выпустят под залог. Будешь год сидеть в тюрьме, пока не придет время суда. Понимаешь? – (Сглотнув, Кэти кивнула.) – Значит, нам надо найти лазейку.

Кэти уставилась на эту женщину, которая пришла с острыми, как нож, словами, намереваясь спасти ее.

– Я не рожала ребенка.

– Понимаю. Даже несмотря на то, что два врача и вся больница, не считая местных копов, – все говорят другое?

– У меня не было ребенка.

– Что ж... – Элли медленно подняла взгляд. – Видимо, мне самой придется искать эту лазейку.

Когда Элли и Кэти вернулись в зал суда, судья Горман стриг ногти. Потом смахнул обрезки на пол.

– Думаю, мы как раз подошли к вопросу: «Каким образом вы намерены ответить на обвинение?»

– Моя клиентка сделает заявление о своей невинности, Ваша честь, – встав, сказала Элли.

– Мистер Каллахэн, – повернулся судья к прокурору, – каковы рекомендации штата относительно поручительства?

Джордж медленно поднялся:

– Полагаю, Ваша честь, что по закону штата Пенсильвания подсудимым, которым предъявлено обвинение в убийстве первой степени, в поручительстве отказано. В данном случае штат также рекомендует это.

– Ваша честь, – возразила Элли, – при всем уважении, в формулировке закона сказано, что в поручительстве может быть отказано только в случаях, когда «доказательство очевидно

или презумпция обоснованна». Это не просто утверждение. В частности, в этом конкретном случае доказательство не очевидно, а допущение о том, что это было убийством первой степени, необоснованно. Есть ряд косвенных доказательств, собранных окружным прокурором, в частности медицинское свидетельство о том, что мисс Фишер родила, и тот факт, что на территории фермы был обнаружен мертвый младенец, однако нет очевидцев того, что произошло между рождением и смертью ребенка. До тех пор пока моя клиентка не предстанет перед справедливым судом, мы не узнаем, почему эта смерть произошла. – Она натянуто улыбнулась судье. – По сути дела, Ваша честь, есть четыре основные причины, по которым для этого случая следует разрешить поручительство. Первое – девушка из амишей обвиняется в преступлении, связанном с насилием над личностью, хотя в амишской общине насилие исторически не существует. Второе – поскольку она из амишей, то гораздо теснее связана с общиной, чем большинство других обвиняемых. Ее религия и воспитание исключают любую возможность побега. Третье – ей чуть больше восемнадцати, и она не располагает собственными финансовыми средствами для побега. И наконец, у нее нет судимости – это не только ее первое привлечение к суду, но и первое знакомство с законодательством в любом его виде или форме. Я предлагаю, Ваша честь, чтобы ее выпустили под залог на строгих условиях.

Судья Горман задумчиво кивнул:

– Не желаете изложить нам эти условия?

Элли глубоко вдохнула. Она бы с радостью, просто еще не успела это обдумать. Она мельком взглянула на Леду, Фрэнка и сидящих между ними амишских женщин, и вдруг все стало ясным.

– Ваша честь, мы почтительно просим выпустить обвиняемую под залог на следующих условиях: Кэти Фишер не разрешается уезжать из городка Ист-Парадайс, но разрешается жить дома на ферме родителей. В свою очередь, она должна находиться под постоянным наблюдением одного члена семьи. Что касается залога, то я считаю, что двадцати тысяч долларов было бы достаточно.

– Ваша честь, это нелепо! – рассмеялся прокурор. – Закон о залоге – это закон о залоге, а убийство первой степени – это убийство первой степени. Так же было в необычных делах с тяжкими преступлениями в Филадельфии, так что мисс Хэтэуэй не может ссылаться на незнание. Не будь доказательство очевидным, мы не предъявляли бы подобное обвинение. Ясно, что Кэти Фишер нельзя освобождать ни под какой залог.

Судья скользнул взглядом по прокурору, адвокату защиты и затем Кэти.

– Знаете, еще утром я не собирался делать того, что сделаю сейчас. Но даже если я приму ваши условия, мисс Хэтэуэй, мне необходимо знать, что кто-то согласен нести ответственность за Кэти Фишер. Хочу услышать уверения ее отца в том, что она будет под присмотром двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. – Он повернулся к галерее. – Мистер Фишер, покажитесь, пожалуйста.

Поднялась Леда, откашлялась:

– Его здесь нет, Ваша честь. – Она сильно потянула сестру за руку, чтобы та тоже встала. – Это мать Кэти.

– Хорошо, миссис Фишер. Вы готовы взять на себя полную правовую ответственность за вашу дочь?

Сара опустила глаза в пол и очень тихо произнесла слово, с трудом услышанное судьей:

– Нет.

– Прошу прощения? – заморгал судья Горман.

– Не могу. – Сара подняла заплаканное лицо.

– Я могу, Ваша честь, – сказала Леда.

– Вы живете с их семьей?

Она помолчала:

– Я могу к ним переехать.

Сара вновь покачала головой и порывисто прошептала:

– Аарон тебе не позволит!

Судья в нетерпении застучал пальцами по столу:

– Найдется ли здесь родственник мисс Фишер, желающий взять на себя ответственность по круглосуточному наблюдению за ней и не имеющий проблем с Церковью или ее отцом?

– Я это сделаю.

Судья Горман повернулся к Элли, которая, произнеся эти слова, похоже, была удивлена не менее, чем он, когда их услышал.

– Это, безусловно, самоотверженно с вашей стороны, советник, но мы ищем члена семьи.

– Знаю, – с трудом сглотнув, сказала Элли. – Я ее кузина.

Глава 4

Элли

Когда поднялся Джордж Каллахэн и прорычал свой протест, мне пришлось подавить в себе желание поддержать внесенное им предложение. Господи, о чем только я думала? Я приехала в Ист-Парадайс вся измученная, меньше всего мне хотелось браться за дело этой девушки. И вот теперь я вызвалась стать надзирателем при Кэти Фишер. С недоумением слушала я, как судья возражает прокурору и устанавливает залог в двадцать тысяч долларов с ограничениями, тем самым приговаривая меня к тюрьме, которую я сама себе придумала.

Неожиданно передо мной оказались Фрэнк и Леда. Леда улыбалась сквозь слезы, а Фрэнк пристально смотрел на меня своими серьезными темными глазами.

– Элли, ты уверена, что хочешь этим заниматься? – спросил он.

– Конечно хочет, – ответила за меня Леда. – Ведь она спасает для нас Кэти.

Я мельком взглянула на девушку, по-прежнему сидевшую, съежившись, на стуле. Со времени нашей краткой интерлюдии в кладовке Кэти не произнесла ни слова. Она вскинула на меня глаза, и я заметила в них вспышку обиды. Я моментально внутренне ошетибилась. Неужели она думает, что я делаю это ради собственного удовольствия?

Я прищурилась, приготовившись высказаться напрямик, но меня остановило легкое прикосновение к плечу. Моего внимания ждала женщина в амишском одеянии – постаревшая, выцветшая копия Кэти.

– Моя дочь благодарит вас, – с запинкой сказала она. – Я тоже благодарю вас. Но мой муж не хочет, чтобы у нас жили Englisher.

Леда тут же набросилась на нее:

– Если уж епископ Эфрам сказал, что можно посоветоваться с английским адвокатом, то он наверняка одобрит выполнение тем же адвокатом условий внесения залога. И если вся община готова поступиться правилами ради благополучия Кэти, неужели ты, Сара, хоть раз не можешь поддержать людей, а не своего упрямого мужа?

За всю жизнь я ни разу не слышала, чтобы Леда повысила голос. И тем не менее в тот момент она практически кричала на сестру, которая съежилась под ее словами.

– Пойдем, Элли. – Леда взяла меня под руку. – Тебе нужно укладывать вещи. – И пошла к выходу из здания суда, на секунду остановившись и бросив взгляд через плечо на Сару и ее дочь. – Вы слышали судью? Кэти должна быть все время рядом с Элли. Пойдем.

Я позволила Леде вытащить меня из окружного суда, чувствуя на спине жгучий взгляд Кэти Фишер.

Дорога на ферму Фишеров шла вдоль ручья, который затем выходил в тыл участка, ограничивая с задней стороны их сотню акров. Этот мир был калейдоскопом цвета – ярко-зеленая с желтоватым отливом кукуруза, красные силосные башни и надо всем этим широкое голубое небо. Но больше всего меня поражал запах – смесь ароматов, узнаваемых, как и любой городской запах: лошадиный пот, цветущая жимолость, резкий дух вспаханной земли. Когда я, закрыв глаза, начинала глубоко дышать, происходило чудо – мне снова было одиннадцать, и я приехала сюда на лето.

Мы высадили Фрэнка и забрали мои чемоданы, а час спустя Леда повернула на длинную подъездную дорожку, ведущую к усадьбе Фишеров. Глядя в окно, я увидела двоих мужчин, едущих по полю на упряжке из волов. Животные тащили за собой огромную допотопного вида машину – одному Богу известно, что это было. Она, похоже, подбрасывала вверх кипы сена, разложенные на земле. Услышав скрип колес по гравию, рослый мужчина вскинул глаза, натянул вожжи и снял шляпу, чтобы вытереть пот со лба. Прикрыв глаза от солнца, он посмотрел в

сторону автомобиля Леды и передал вожжи мужчине пониже ростом, сидевшему рядом с ним, а затем сорвался с места и припустил к фермерскому дому.

Он подоспел туда через десять секунд после того, как машина остановилась. Мы с Ледой вышли первыми, затем Кэти и Сара, сидевшие на заднем сиденье. Мужчина, широкий в плечах, со светлыми волосами, заговорил на не понятном мне языке. И я подумала, что английский, на котором Кэти так осторожно говорила перед судьей, не был ее родным языком, как и не был он родным для людей, у которых я намеревалась жить. Сара ответила мужчине на том же невразумительном языке.

Мои высокие каблуки вязли в гравии. Я стащила с себя жакет, в котором мне было жарко, и внимательно всмотрелась в мужчину, подошедшего поздороваться с нами.

Он был слишком молод для папаши из преисподни, заочно представленного в зале суда. Возможно, брат. Но тут я поймала его отнюдь не братский взгляд, направленный на Кэти. Взглянув на Кэти, я заметила, что та смотрит на него с тем же выражением.

Неожиданно в потоке речи возникло знакомое мне слово – мое имя. Смущенно улыбаясь, Сара указала на меня, а потом кивнула белокурому парню. Тот вынул из багажника мой чемодан и, поставив его на землю, протянул мне руку.

– Я Сэмюэл Стольцфус, – представился он. – Спасибо, что позаботились о моей Кэти.

Заметил ли он, как сжалась Кэти от слова «моя»? Заметил ли это кто-нибудь, кроме меня?

Услышав за спиной металлическое цоканье копыт и звон упряжи, я обернулась и увидела человека, заводящего лошадь в конюшню. У этого жилистого мускулистого мужчины была густая рыжая борода с еле заметной проседью. На нем были черные штаны и бледно-голубая рубашка с закатанными по локоть рукавами. Он мельком взглянул на нас, чуть нахмурившись при виде автомобиля Леды. Потом вошел в амбар и минуту спустя появился вновь.

Ни на кого не обращая внимания, он направился напрямик к Саре, тихо, но твердо заговорив с ней на их языке. Сара наклонила голову, как ветвь ивы под ветром. Однако Леда, сделав шаг вперед, стала ему возражать. Размахивая кулаками, она указывала на Кэти и на меня. В негодовании сверкая глазами, Леда подтолкнула меня вперед, под испытующие взгляды Аарона Фишера.

Мне приходилось наблюдать, как люди, услышав приговор о пожизненном заключении, впадали в ступор, я замечала пустоту в глазах свидетельницы, рассказывающей о ночи, когда на нее напали, но я никогда не видела такой отрешенности, как на лице этого мужчины. Он сдерживался, словно признавая, что от страданий распадется на тысячу осколков, словно мы были давними врагами и в глубине души он уже считал себя побежденным.

Я протянула ему руку:

– Приятно познакомиться.

Не ответив на мое приветствие, Аарон отвернулся. Потом подошел к дочери, и мир вокруг них исчез. Поэтому, когда он наклонился к Кэти и зашептал ей что-то со слезами на глазах, я опустила голову, чтобы не мешать им. Кэти кивнула и пошла к дому в обнимку с отцом.

Вслед за ними двинулись напряженные Сэмюэл, Сара и Леда, возбужденно переговариваясь на своем диалекте. Я стояла в одиночестве на подъездной аллее, ветерок трепал на спине мою шелковую блузку, солнце разукрашивало мне плечи новыми веснушками. Из конюшни доносились топот и ржанье лошади.

Я села на чемодан, устремив взор в сторону дома.

– Угу, – вполголоса произнесла я, – мне тоже приятно познакомиться.

К моему удивлению, дом Фишеров не так уж отличался от того, в котором я выросла. Разбросанные на деревянном полу плетеные тряпичные коврики, перекинутое через спинку

кресла-качалки цветастое лоскутное одеяло, буфет, украшенный замысловатой резьбой и уставленный разнообразными плошками и чашками из делфтского фарфора. В каком-то смысле я ожидала, что попаду в «Маленький домик в прериях», – в конце концов, эти люди сознательно отказались от современных удобств. Но у них имелась духовка, холодильник, даже стиральная машина, похожая на ту, что была у моей бабушки в пятидесятых годах. Вероятно, заметив мое замешательство, рядом со мной возникла Леда:

– У них все работает на газе. Не потому, что они не хотят пользоваться бытовыми приборами, – дело в электричестве. Подключение к коммунальным сетям электроснабжения – ну, это значит, вы связаны с внешним миром. – Она указала на лампу, к которой по тонкой трубке из резервуара под основанием подводился пропан. – Аарон позволит тебе здесь остаться. Ему это не нравится, но он это сделает.

– Замечательно. – Я скорчила гримасу.

– Так и будет, – с улыбкой сказала Леда. – Думаю, ты будешь удивлена.

Все пошли на кухню, оставив меня с Ледой в некоем подобии гостиной. Книжные полки были уставлены книгами, названия которых я не могла прочесть, – судя по всему, на немецком. На стене висело аккуратно написанное печатными буквами генеалогическое древо. Имя Леды было как раз над именем Сары.

Ни телевизора, ни телефона, ни видеомэгнитофона. Ни разбросанных по дивану листов «Уолл-стрит джорнэл», ни звучащего, как фон, мурлыкающего джаза на диске. В доме пахло лимонным воском и было тепло, даже душно. Сердце у меня учащенно заколотилось. Во что я влезла?

– Леда, – твердо произнесла я, – я не могу здесь остаться.

Не ответив мне, Леда села на диван, обитый неопишущим коричневым плисом с кружевными салфетками на спинке. Когда я в последний раз видела такое?

– Тебе придется забрать меня с собой. Мы что-нибудь придумаем. Я могу каждое утро приходить сюда из твоего дома. Согласна даже встретиться с судьей и обсудить альтернативное решение.

Леда сложила руки на коленях.

– Ты действительно так боишься их, – спросила она, – или просто боишься себя?

– Не будь смешной.

– Разве я смешная? Элли, ты перфекционистка. Ты привыкла брать на себя ответственность и изо всего извлекать для себя выгоду. Но вдруг ты оказываешься в таком же чуждом для тебя месте, как базар в Калькутте. – Я опустилась на диван рядом с ней и закрыла лицо руками. – По крайней мере, я читала про Калькутту.

– Милая, ты же имела дело с мафиозными боссами, хотя не принадлежишь к мафии. – Леда похлопала меня по спине.

– Леда, я не переезжала в дом к Джимми Пизано Кабану, когда защищала его.

Что ж, на это ей возразить было нечего. Помолчав с минуту, она вздохнула:

– Это просто судебное дело, Элли. И ты всегда стремилась к тому, чтобы выиграть дело.

Мы обе посмотрели в сторону кухни, где рядом у раковины стояли Кэти и Сара – мои родственницы из двух поколений.

– Будь это обыкновенное дело, меня бы здесь не было.

Леда кивнула, признавая, что я стараюсь изо всех сил, и понимая, что ей тоже надо постараться:

– Хорошо. Расскажу тебе о некоторых основных правилах. Помогай, не дожидаясь, пока попросят. «Простые люди» придают большое значение делам и меньше – словам. Для них несущественно, что ты ничего не смыслишь в фермерстве или молочном хозяйстве. Важно то, что ты пытаешься помочь.

– Забудь о фермерстве. Я понятия не имею, что значит быть амишем.

– Они не ждут этого от тебя. Да и знать-то особо нечего. Они такие же люди, как ты и я. Хорошие и плохие, добродушные и с характером, некоторые готовы помочь, а другие свернут в сторону, увидев, что ты подходишь. Туристы воспринимают амишей как святых или же участников некой интермедии. Если хочешь быть принятой в этой семье, просто обращай с ними как с обычными людьми. – Словно о чем-то вспомнив, она резко поднялась. – Мне пора идти. Если уж Аарону Фишеру не нравится твое пребывание здесь, мое ему не нравится еще больше.

– Ты уйдешь прямо сейчас?

– Элли, – ласково произнесла Леда, – с тобой все будет в порядке. Я же пережила это, верно?

Я прищурила глаза:

– Ты ушла от них.

– Ну, однажды ты тоже уйдешь. Просто помни об этом, и этот день настанет скорее, чем ты думаешь. – Она потянула меня на кухню, и разговор там резко прекратился. Все посмотрели в нашу сторону, как будто слегка озадаченные тем, что я еще здесь. – Я уезжаю, – сказала Леда. – Кэти, может быть, покажешь Элли свою комнату?

Я была поражена – так обычно поступают дети. Когда в гости приезжают родственники или приходят друзья, дети показывают им свои владения. Хвастаются кукольным домиком, коллекцией бейсбольных карточек. Кэти неохотно выдавила из себя улыбку.

– Сюда, – сказала она, направляясь к лестнице.

Я наспех обняла Леду и повернулась к Кэти. Распрямив плечи, я пошла вслед за ней. И пусть мне этого очень хотелось, я не позволила себе оглянуться назад.

Поднимаясь вслед за Кэти, я заметила, что она тяжело опирается на перила. В конце концов, она только что родила – большинство женщин еще находились бы в больнице, – но Кэти играла роль хозяйки. На площадке я дотронулась до ее плеча:

– Ты... хорошо себя чувствуешь?

Она безучастно уставилась на меня:

– Все хорошо, спасибо.

Повернувшись, Кэти провела меня в свою комнату. Там было чисто и аккуратно, но едва ли так выглядит жилище подростка. Никаких постеров с Леонардо, ни разбросанных повсюду мягких игрушек, ни флаконов с блеском для губ на комод. На стенах не было фактически ничего, единственной особенностью комнаты являлись цветастые лоскутные одеяла, которыми были застелены две односпальные кровати.

– Можете спать на той кровати, – сказала Кэти, и я села туда, прежде чем до меня дошли ее слова.

Она ожидала, что, проживая на их ферме, я буду спать в ее комнате.

Черт возьми, нет! Скверно уже одно то, что мне приходилось здесь жить, а если даже и ночью я не могла побыть одна, это чересчур! Я глубоко вдохнула, подыскивая вежливые слова, чтобы объяснить Кэти, что ни при каких обстоятельствах не стану спать с ней в одной комнате. Но Кэти бродила из угла в угол, дотрагиваясь до высокой ребристой спинки стула и разглаживая лоскутное одеяло. Потом она опустилась на колени и заглянула под кровать. И наконец присела на корточки.

– Они забрали мои вещи, – тонким голосом сказала она.

– Кто?

– Не знаю. Кто-то приходил сюда и забрал мои вещи. Ночную сорочку. Кроссовки.

– Я уверена, что...

Кэти повернулась ко мне.

– Ни в чем вы не уверены, – дерзко возразила она.

Я вдруг поняла: если останусь в этой комнате, то, засыпая рядом с Кэти, я буду не единственным человеком, неспособным хранить секреты.

– Я собиралась сказать, что уверена вот в чем: полицейские обыскивали твою комнату. Вероятно, они нашли что-то, давшее основание для твоего обвинения. – (Кэти, ссутулившись, села на свою кровать.) – Послушай, почему бы тебе не рассказать мне о том, что случилось вчера утром?

– Я не убивала никакого ребенка. У меня даже не было ребенка.

– Ты уже это говорила, – вздохнула я. – Ладно. Тебе может не нравиться мое пребывание здесь, и я сама наверняка нашла бы тысячу других дел, которыми с радостью занялась бы, однако благодаря судье Горману нам придется какое-то время быть рядом. У меня такой договор с клиентами: я никогда не буду спрашивать тебя, совершила ли ты преступление. А ты, в свою очередь, говори мне правду, когда я спрашиваю о чем-то другом. – Подавшись вперед, я встретилась с ней взглядом. – Хочешь сказать мне, что не убивала того ребенка? Давай говори. Меня не волнует, убивала ты или нет, поскольку я в любом случае буду защищать тебя в суде, а не выносить свое суждение. Но лгать о рождении ребенка, что было доказано как факт, знаешь, Кэти, это выводит меня из себя.

– Я не лгу.

– Могу назвать по меньшей мере трех судмедэкспертов, которые уже сделали официальное заявление, подтверждающее тот факт, что твой организм носит следы недавних родов. Могу показать тебе анализ крови, доказывающий то же самое. И как же ты можешь сидеть здесь и говорить, что не рожала ребенка?

Как адвокат защиты, я уже знала ответ: она сидит здесь и говорит так, потому что верит в это на все сто процентов. Но прежде чем начинать проверку на невменяемость, мне надо убедиться, что Кэти Фишер не пытается одурачить меня. Кэти не вела себя как помешанная, она действовала нормально. Если эта девочка ненормальная, то я – Марсия Кларк⁵.

– Как вы можете сидеть здесь, – начала Кэти, – и говорить, что не судите меня?

Ее слова буквально огорошили меня. Я, опытный адвокат защиты с прекрасным досье и длинным перечнем сертификатов, совершила грубейшую ошибку: мысленно осудила клиентку, не дожидаясь справедливого судебного разбирательства. Не дожидаясь суда, на котором я должна была ее представлять. Она солгала по поводу ребенка, и мне пришлось учитывать это и спрашивать себя: а где еще она могла солгать? Такой ход мыслей ставил меня скорее на одну доску с прокурором, чем с адвокатом защиты.

В свое время я хладнокровно защищала права насильников, убийц и педофилов. Но поскольку эта девушка убила собственного новорожденного ребенка – деяние, которое просто не укладывалось у меня в голове, – я хотела запереть ее под замок.

Я закрыла глаза. «Предположительно убила», – напомнила я себе.

– Вероятно, дело в том, что ты не можешь вспомнить? – нарочно смягчая тон, спросила я. Кэти обратила на меня широко раскрытые небесно-голубые глаза:

– В четверг вечером я пошла спать, проснулась в пятницу утром и спустилась на кухню приготовить завтрак. Вот и все.

– Ты не помнишь, как рожала. Не помнишь, как пошла в коровник.

– Нет, не помню.

– Есть кто-нибудь, кто видел, что ты всю ночь спала? – торопила я.

– Не знаю. Я спала и не могла видеть.

Вздыхнув, я постучала ладонью по матрасу:

– А как же человек, который спит здесь?

---

⁵ Марсия Кларк – американский прокурор, писательница и телевизионная корреспондентка.

Кэти сильно побледнела. Казалось, этот вопрос огорчил ее больше, чем все прочие, заданные мной.

– Здесь никто не спит.

– Ты не помнишь этого ощущения, когда ребенок выходил из тебя, – произнесла я хриплым от досады голосом. – Не помнишь, как прижимала его к себе и завернула в ту рубашку. Мы обе посмотрели вниз, на мои руки, на которых я баюкала воображаемого ребенка.

Кэти наградила меня долгим взглядом:

– Вы когда-нибудь рожали?

– Это не про меня, – ответила я.

Но одного взгляда на ее лицо было достаточно, чтобы понять: она знает, что я тоже лгу.

Платяного шкафа в комнате не было, но на стенах висели плечики. Три из них занимали платья Кэти, другие три на противоположной стене были свободны. На кровати лежал мой чемодан, набитый до отказа джинсами, блузками и летними платьями. После минутного размышления я достала одно платье, повесила его на плечики, после чего застегнула чемодан на молнию.

Пока я оттаскивала свой багаж в угол комнаты, за кресло-качалку, раздался стук в дверь.

– Войдите.

Вошла Сара Фишер со стопкой полотенец в руках, почти полностью скрывавшей ее лицо.

Она положила их на комод:

– Вы нашли все необходимое?

– Да, спасибо. Кэти мне все показала.

Сара чопорно кивнула.

– Ужин в шесть, – сказала она, повернувшись, чтобы уйти.

– Миссис Фишер, – не успев толком подумать, окликнула я, – знаю, что для вас это нелегко.

Женщина остановилась на пороге, опершись рукой о дверной косяк:

– Меня зовут Сара.

– Тогда Сара. – Я принужденно улыбнулась, но по крайней мере одна из нас попыталась что-то сделать. – Если вы хотите спросить что-то о деле вашей дочери, пожалуйста, не стесняйтесь.

– У меня есть один вопрос. – Скрестив руки на груди, она пристально посмотрела на меня. – Вы истинно верующий человек?

– Я – что?

– Вы протестантка? Или католичка?

На миг онемев, я покачала головой:

– Какое отношение имеет моя религия к тому, что я представляю Кэти в суде?

– К нам сюда пробирается много людей, думающих, что им хочется стать «простыми». Как будто это ответ на все их жизненные проблемы, – насмешливо высказалась Сара.

– Я здесь не для того, чтобы примкнуть к амишам, – удивившись ее дерзости, ответила я. – По сути дела, меня бы здесь вовсе не было, если бы я не пыталась спасти вашу дочь от тюрьмы.

Мы отчужденно уставились друг на друга. Наконец Сара, повернувшись, подняла лоскутное одеяло с одной из кроватей и сложила его.

– Если вы не протестантка и не католичка, то во что вы верите?

– Ни во что, – пожала плечами я.

Пораженная моим ответом, Сара прижала одеяло к груди. Она не проронила ни слова, да в этом и не было нужды. Она все удивлялась, почему все-таки я думаю, что в помощи нуждается Кэти.

После моей стычки с Сарой я переоделась в шорты и футболку, и вскоре наверх поднялась Кэти, чтобы отдохнуть. Не сомневаюсь, беспрецедентный случай в их доме. Чтобы не мешать Кэти, я решила обследовать территорию фермы. Я заглянула на кухню, где Сара уже начала готовить ужин, и сообщила ей о своих планах.

Наверняка женщина ни слова не услышала из того, что я сказала. Она глазела на мои руки и ноги, словно я разгуливала голышом. Полагаю, для нее так оно и было. Покраснев, Сара резко повернулась к кухонной столешнице.

– Да, – сказала она. – Идите.

Пройдя вдоль малинника и обогнув силосную башню, я пошла в сторону полей. Я отважилась даже заглянуть в коровник, встретившись взглядом с томными глазами коров, привязанных в стойлах для дойки. Высматривая улики, я робко дотронулась до яркой ленты, огораживающей место преступления. А потом я бродила, пока не нашла ручей, который не видела с тех самых пор.

Когда в детстве я гостила у Леды с Фрэнком, то, бывало, часами лежала на животе на берегу их ручья, наблюдая за водомерками, скользящими по поверхности воды, и шушукующимися парами стрекоз. Опусти, бывало, палец в воду и смотрю, как вода обтекает его. Время пролетало незаметно, – кажется, только что пришел, но не успеешь и глазом моргнуть, как солнце уже опускается к горизонту.

Ручей у Фишеров был несколько уже того, на берегах которого я выросла. Он оканчивался крошечным водопадом, под которым скапливалось много мха и сена, что, видимо, привлекало местных детей. На другом конце ручья разливался небольшой естественный пруд, затененный ивами и дубами.

Я покачала над водой раздвоенной веточкой, словно намереваясь с помощью «волшебной лозы» нащупать стратегию защиты. Всегда существует возможность лунатизма. Кэти призналась, что не помнит событий, происшедших между отходом ко сну и утренним вставанием. Определенно, то была дизайнерская защита⁶, но в последние годы такой подход имел успех, а в столь сенсационном деле, как дело Кэти, это могло стать моим лучшим выстрелом.

Помимо этого были еще две возможности. Либо Кэти совершила это, либо нет. И хотя я еще не видела обязательные для представления суду документы от прокурора, но понимала, что ее не обвинили бы без улик, указывающих на преступление. А это означало, что мне предстояло определить, была ли она в здравом уме в момент, когда убила ребенка. Если не была, мне пришлось бы доказывать ее невменяемость, а в штате Пенсильвания таких преступников оправдывали весьма редко.

Я вздохнула. Мои шансы на успех возросли бы, если бы я доказала, что ребенок умер естественной смертью.

Отбросив веточку, я стала размышлять над этим. Возможно, против любого судмедэксперта, которого штат мог вызвать для дачи показаний в пользу того, что ребенок был убит, я могла бы выставить эксперта-оппонента, который утверждал бы, что ребенок умер от оставления, преждевременного рождения или от других причин, имеющих место в таких случаях. Эту трагедию можно было бы списать скорее на неопытность и небрежность Кэти, чем на ее умысел. Пассивная причастность к смерти новорожденного – что ж, такое даже я могла простить.

Я похлопала по карманам шортов, молча проклиная себя за то, что не догадалась захватить с собой клочок бумаги и ручку. Прежде всего мне нужно связаться с патологоанатомом и оценить, насколько надежен отчет судмедэксперта. Может быть, мне даже удастся вызвать для

---

⁶ *Дизайнерская защита* – это довольно новая концепция, в которой обвиняемый придерживается позиции, согласно которой на момент совершения преступления у него были пониженные умственные способности из-за некоторого мозгового нарушения или стресса.

дачи показаний хорошего гинеколога – был один парень, который в предыдущем деле совершал для моей клиентки чудеса. И наконец, мне придется вызвать в качестве свидетеля Кэти, которая должна выглядеть подавленной тем, что случайно произошло.

А это, конечно, заставит ее признаться в том, что все это действительно произошло.

Застонав, я перекатилась на спину и закрыла глаза от солнца. Но все же, наверное, надо лишь дожидаться обязательного представления документов суду и оценить, с чем мне придется иметь дело.

В отдалении послышался негромкий хруст веток, и ветер донес обрывки песни. Нахмурившись, я поднялась на ноги и пошла вдоль ручья. Песня доносилась от пруда или откуда-то поблизости.

– Эй! – позвала я, огибая кусты. – Кто там?

Что-то черное мелькнуло и пропало в кукурузном поле за прудом, но я не успела ничего разглядеть. Я подбежала к лесу кукурузных стеблей и принялась раздвигать их руками в надежде найти преступника. Но лишь вспугнула полевых мышей, которые прошмыгнули мимо меня и скрылись в зарослях рогоза, окаймлявших пруд.

Я пожалала плечами. Во всяком случае, компанию я не искала. Я пошла в сторону дома, но остановилась при виде охапки полевых цветов, оставленных на северном берегу пруда. Грациозные ветви ивы протягивали свои руки к цветам, аккуратно связанным в букет. Опустившись на колени, я прикоснулась к дикой моркови, венерину башмачку, рудбекии. Потом окинула взглядом поле кукурузы, недоумевая, для кого они были оставлены.

– Раз уж вы пришли, – сказала Сара, вручая мне миску гороха, – можете помочь.

Подняв глаза от кухонного стола, я сдержалась и не стала говорить, что я и так помогаю, просто находясь здесь. Благодаря моей жертве Кэти тоже сидела здесь со своей миской гороха, она чистила его с замечательным усердием. Немного понаблюдав за ней, я поддела ногтем большого пальца створки стручка, который раскололся как орех, совсем как у нее.

– Neh... Englische Leit... Lus mich gay!

Через открытое окно кухни к нам донесся негромкий, но твердый голос Аарона. Вытерев руки о фартук, Сара выглянула во двор. Потом, затаив дыхание, заторопилась к двери.

Я услышала английскую речь. И сразу же повернулась к Кэти.

– Останься здесь, – велела я и вышла во двор.

Аарон и Сара, закрывая лица руками, пытались скрыться от небольшой группы фотографов и репортеров, нагрянувших на ферму. Один из новостных микроавтобусов имел наглость припарковаться рядом с багги Фишеров. Репортеры выкрикивали десятки вопросов, желая узнать все – начиная от беременности Кэти и кончая полом мертвого младенца.

Убаюканная тишиной и покоем сельской фермы, я не учла, что пресса моментально откликнется на протоколы суда, касающиеся амишской девушки, обвиняемой в убийстве первой степени.

Я неожиданно припомнила то лето, когда воображала себя фотографом и как-то навела свой «Кодак» на ничего не подозревающего амишского мужчину в повозке. Леда закрыла объектив фотоаппарата, объяснив мне, что амиши следуют Библии, запрещающей идолопоклонство, и поэтому не любят, когда их фотографируют.

– Я все же сниму, – обидевшись, сказала я тогда, и, к моему удивлению, Леда кивнула, но с таким печальным видом, что я тут же убрала фотоаппарат в футляр.

Аарон оставил попытки уговорить репортеров уйти. Не в его привычках было устраивать сцены, и он мудро решил предложить себя в качестве мишени, чтобы оградить Кэти от их любопытных взоров. Откашлявшись, я приблизилась к месту стычки:

– Простите, но вы находитесь в частных владениях.

Одна из репортерш явно отметила мои шорты и топ, резко контрастирующие с одеянием Аарона и Сары:

– Кто вы?

– Их пресс-секретарь, – сухо ответила я. – Полагаю, все вы сейчас совершаете незаконное проникновение, а это мисдиминор третьей степени, и вам грозит год тюрьмы и штраф в размере двух с половиной тысяч долларов.

Пытаясь определить мой статус, женщина в розовом английском костюме нахмурилась:

– Вы адвокат! Из Филадельфии!

Я взглянула на аббревиатуру на ее микрофоне, – действительно, она была из филиала городской вещательной компании.

– В настоящий момент ни моя клиентка, ни родители моей клиентки не могут дать комментариев, – ответила я. – Что касается скандального характера этого обвинения... – я ухмыльнулась, жестом указывая на коровник, фермерский дом, просторы полей, – скажу только, что амишская ферма не филадельфийский наркопритон, а амишская девушка не закоренелая преступница. Боюсь, все остальное вы услышите несколько позже на ступенях здания суда. – Я окинула толпу спокойным взглядом. – А теперь – маленькая бесплатная консультация юриста. Настоятельно рекомендую вам всем удалиться.

Они неохотно стали отходить, шаркая ногами и сбившись в стаю, точно волки, которыми я всегда их и представляла. Я дошла до конца подъездной дорожки, стоя на страже, пока не отъехала последняя машина. Потом вернулась к дому и увидела стоящих рядышком и ожидающих меня Аарона и Сару.

Глядя в землю, Аарон хмуро произнес:

– Может, как-нибудь захотите посмотреть на дойку.

Более открытого выражения благодарности от него ожидать не стоило.

– Да, – ответила я. – Конечно.

Сара наготовила столько еды, что можно было накормить целую амишскую общину, а не только небольшую семью и одного гостя. Она выносила к столу одно блюдо за другим: курица с клецками, овощи с подливкой, тушеное мясо, таявшее во рту. Были разные закуски, хлебцы и сдобренный специями тушеный горошек. В центре стола стоял голубой кувшин свежего молока. Глядя на все это изобилие, я удивлялась тому, как эти люди умудряются три раза в день питаться подобным образом и при этом не располнеть.

Вдобавок к трем Фишерам, с которыми я познакомилась, был еще пожилой мужчина, не удосужившийся представиться, но, похоже, знавший, кто я такая. По чертам его лица я предположила, что это отец Аарона и что он, скорее всего, живет в небольшой пристройке с задней стороны дома. Мужчина наклонил голову, и вслед за ним все остальные тоже наклонили головы – странная динамическая реакция – и принялись молча молиться над едой. Ощущая неловкость – когда в последний раз я возносила молитву за столом? – я подождала, пока они не закончат и не начнут накладывать еду на тарелки. Кэти взяла кувшин с молоком и налила себе немного в стакан, потом передала его направо, мне.

Я никогда не была большой любительницей молока, но сообразила, что не очень разумно признаваться в этом на молочной ферме. Налив себе немного, я передала кувшин Аарону Фишеру.

Фишеры смеялись и переговаривались на своем диалекте, накладывая себе еду, когда тарелки пустели. Наконец Аарон откинулся на стуле и феноменально громко рыгнул. От подобного нарушения этикета я вытаращила глаза, однако его жена так и просияла, будто услышала от него величайший комплимент.

Я вдруг представила череду подобных застолий, растянувшуюся на месяцы, и себя в роли чужака. Я не сразу поняла, что Аарон меня о чем-то спрашивает. На пенсильвано-немецком.

– Пикули, – следуя за его взглядом, устремленным на какое-то блюдо, медленно и четко произнесла я по-английски. – Вы это хотите?

Его подбородок чуть вздернулся.

– Да, – ответил он.

Я положила ладони на стол:

– В будущем, мистер Фишер, я предпочла бы, чтобы вы задавали мне вопросы на моем языке.

– За ужином мы не говорим по-английски, – вставила Кэти.

Я продолжала смотреть на Аарона Фишера:

– А теперь говорите.

К девяти часам я была готова лезть на стенку. Я не захватила с собой кассеты с видео, а если бы и захватила, здесь не было телевизора или видеомэгнитофона. Целая книжная полка оказалась заполненной книгами на немецком: детский букварь, что-то с названием «Зеркало мученика» и целая куча других заголовков, от которых пробирала дрожь. В конце концов я обнаружила газету на английском и принялась читать о лошадиных аукционах и молотье зерна.

Фишеры гуськом вошли в комнату, словно по зову неслышного колокола. Они уселись, наклонив головы. Аарон взглянул на меня, что-то вопрошая взглядом. Я не ответила ему, и он принялся читать вслух из немецкой Библии.

Я никогда не отличалась набожностью, и вот совершенно неожиданно меня занесло в семью, глубоко внедрившуюся в христианство. Затаив дыхание, я уставилась в газету, стараясь не чувствовать себя язычницей.

Прошло минуты две, и ко мне подошла Кэти.

– Я ложусь спать, – объявила она.

Я отложила газету в сторону:

– Тогда и я тоже.

Выйдя из ванной комнаты в шелковой пижаме, я стала смотреть, как Кэти, сидя на кровати в длинной белой ночной рубашке, расчесывает волосы. Доходящие ей почти до талии распущенные волосы колыхались при каждом движении гребня. Я села на свою кровать, скрестив ноги и подперев щеку рукой.

– Обычно это делала моя мама.

– Правда? – поднимая глаза, спросила Кэти.

– Ага. Каждый вечер распутывала все мои колтуны. Я терпеть этого не могла. И считала какой-то пыткой. – Я дотронулась до шапки своих коротких волос. – Как видишь, я отомстила.

– У нас нет выбора, – улыбнулась Кэти. – Мы не стрижем свои волосы.

– Никогда?

– Никогда.

Признаться, ее волосы были прелестными, но что, если ей, как и мне, пришлось бы каждый день страдать от колтунов?

– А если захочется?

– С какой стати? Тогда я буду отличаться от остальных.

Кэти положила расческу, тем самым завершая разговор, и залезла под одеяло. Перегнувшись, она погасила газовую лампу, и комната погрузилась в кромешную темноту.

– Элли?

– Да?

– На что похоже место, где вы живете?

Я на минуту задумалась:

– Шумно. Полно машин, и кажется, они всю ночь ездят прямо под окнами, гудят и визжат тормозами. И полно людей – ни за что не найдешь ни коровы, ни цыпленка, а тем более сладкую кукурузу, если только не заглянешь в морозильник. Но я уже не живу в Филадельфии. Сейчас я где-то посередине.

Кэти долго молчала, и я подумала, что она заснула.

– Нет, неправда, – сказала она. – Сейчас вы с нами.

Я вздрогнула и проснулась, подумав, что мне опять приснился кошмар с девочками из моего последнего дела, но простыни у меня не были сбиты, а сердце билось ровно. Я бросила взгляд на кровать Кэти, на отброшенное в сторону одеяло, и немедленно поднялась. Кэти пропала. Шлепая по лестнице босыми ногами, я заглянула на кухню и в гостиную, а потом услышала тихий щелчок двери и шаги на крыльце.

Она шла по дорожке к пруду, на берегу которого я побывала днем. Я, прячась, шла за ней по пятам, чтобы видеть и слышать ее. Она села на маленькую кованую скамью, стоящую у большого дуба, и закрыла глаза.

Это опять хождение во сне? Или она с кем-то здесь встречается?

Не здесь ли проходили свидания Кэти и Сэмюэла? Не здесь ли был зачат ребенок?

– Где вы? – До меня донесся шепот Кэти, и я сразу поняла: первое, что она в здравом уме и вовсе не спит, и второе, что я понимаю ее слова. – Зачем это вы прячетесь?

Ясно, она знала, что я шла за ней. С кем еще она говорила бы по-английски?

Я вышла из-за ивы и встала перед Кэти:

– Я скажу тебе, зачем я прячусь, если ты сначала скажешь, зачем сюда пришла.

Кэти поднялась на ноги с пылающими от румянца щеками. У нее был такой испуганный вид, что я отступила назад, к пруду, замочив низ пижамных брюк.

– Сюрприз, – без выражения произнесла я.

– Элли! Что вы затеяли?

– Пожалуй, это будет мой вопрос. В дополнение к такому: кого ты ожидала здесь встретить? Может быть, Сэмюэла? Хотели договориться, как рассказывать вашу историю, пока я не успела расспросить его?

– Нет никакой истории...

– Ради бога, Кэти, перестань! Ты родила ребенка. Тебя обвинили в убийстве. Меня назначили твоим законным адвокатом, а ты посреди ночи тайком сбегаешь от меня. Я занимаюсь этими делами гораздо дольше тебя и знаю, что люди не хитрят, если им нечего прятать. И точно так же они не лгут, если им нечего прятать. Угадай, кто из нас проигрывает в обоих случаях? – По щекам Кэти катились слезы; собираясь с духом, я сложила руки на груди. – Тебе лучше начать говорить.

– Это не Сэмюэл, – покачала она головой. – Я с ним не встречаюсь.

– Почему я должна тебе верить?

– Потому что я говорю вам правду!

– Правильно! – фыркнула я. – Ты не встречаешься с Сэмюэлом, просто решила немного подышать свежим воздухом. Или это какая-нибудь полуночная амишская традиция, с которой мне следует познакомиться?

– Я пришла сюда не из-за Сэмюэла. – Она подняла на меня глаза. – Не могла уснуть.

– Ты с кем-то разговаривала. Думала, что он прячется.

Кэти мотнула головой:

– Она.

– Прошу прощения?

– Она. Я искала девочку.

– Хорошая попытка, Кэти, но тебе не повезло. Я не вижу здесь девочку. И парня тоже, но что-то мне подсказывает, что минут через пять здесь появится большой белокурый парень.

– Я искала свою сестру. Ханну. – Кэти помолчала. – Вы спите на ее кровати.

Я мысленно пересчитала всех, кого видела вчера. Другой молодой девушки я не видела, и трудно было поверить, что Леда ни разу не упоминала при мне сестру или брата Кэти.

– Как это получается, что Ханны не было за ужином? И она не молилась с вами вечером?

– Потому что... она умерла.

На этот раз, отступив назад, я угодила обеими ступнями прямо в воду.

– Умерла?

– Да. – Кэти подняла ко мне лицо. – Она утонула здесь, когда ей было семь. Мне было одиннадцать, и мне поручили следить за ней, пока мы катались на коньках, но она провалилась под лед. – Кэти вытерла глаза и нос рукавом ночной рубашки. – Вы... вы хотели, чтобы я вам все рассказала, рассказала правду. Я прихожу сюда поговорить с Ханной. Иногда я даже вижу ее. Я никому о ней не говорила, потому что видеть призраков... ну, мама и папа подумают, что я совсем ferhoodled⁷. Но она здесь, Элли. Да, клянусь вам!

– Вроде того, как ты клянешься, что не рожала того ребенка, – пробормотала я.

Кэти отвернулась от меня:

– Я знала, что вы не поймете. Единственный человек, кто понял, – это...

– Кто это был?

– Никто, – упрямо произнесла она.

Я раскинула руки в стороны.

– Ну, тогда позови ее. Эй, Ханна! – прокричала я. – Выходи поиграть! – Для вящей убедительности я немного подождала, потом пожала плечами. – Странно. Никого не вижу. Подумать только.

– Она не придет, пока вы здесь.

– Ну, это ведь так удобно, – заметила я.

– Говорю вам, я вижу Ханну, с тех пор как она умерла. – Потемневшие глаза Кэти светились воинственной убежденностью. – Слышу ее слова, когда налетает ветер. И вижу, как она катается на коньках прямо по пруду. Она настоящая.

– Полагаешь, я на это куплюсь? Буду думать, что ты приходишь сюда, потому что веришь в призраков?

– Я верю в Ханну, – уточнила Кэти.

– Сдается мне, ты веришь во многое такое, что не обязательно правдиво, – вздохнула я. – Возвращайся в постель, Кэти.

Бросив эти слова через плечо, я ушла, не дожидаясь, когда она пойдет следом.

Когда Кэти уснула, я на цыпочках вышла из комнаты, захватив с собой сумку. На крыльце я достала из сумки сотовый. Как ни странно, в округе Ланкастер была приличная сотовая связь – некоторые из прогрессивных амишских фермеров позволили возвести на своей земле вышки мобильной связи за цену, сводящую на нет потребность в выращивании озимых культур. Набрав несколько цифр, я услышала знакомый сонный голос:

– Да?

– Куп, это я.

Я почти воочию увидела его сидящим в кровати со сползшим на пол одеялом.

– Элли? Господи! После... чего? Двух лет?.. И ты звонишь мне... Боже правый, сейчас три часа ночи!

---

⁷ Запуталась (пенсильванский диалект).

– Полтретьего. – Я знала Джона Джозефа Купера IV почти двадцать лет, со времени учебы в Пенсильванском университете. Не важно, когда я звоню, – он поворчит, но простит меня. – Послушай, мне нужна твоя помощь.

– О-о, значит, ты не просто поболтать позвонила в три часа ночи?

– Ты не поверишь, но я сейчас нахожусь в доме амишей.

– А... я так и знал. Ты никак не могла меня забыть и все бросила ради «простой» жизни.

– Куп, я забыла тебя десять лет назад! – рассмеялась я. – По сути, примерно в то время, когда ты женился. Я здесь занимаюсь поручительством клиентки, обвиненной в убийстве своего новорожденного. Хочу, чтобы ты оценил ее психическое состояние.

– Я не судебный психиатр, Элли, – медленно выдохнул он. – Просто заурядный провинциальный душевед.

– Знаю, но... я тебе доверяю. И мне это нужно не для протокола, а чтобы во всем разобраться.

– Ты мне доверяешь?

Я замерла, припоминая.

– Ну, более или менее. Более, когда дело не касается меня.

Куп помолчал:

– Можешь привезти ее в понедельник?

– Хм... Нет. Ей нельзя покидать ферму.

– Ты вызываешь меня на дом?

– Вызываю на ферму, если тебе так больше нравится.

Я представила себе, как он закрывает глаза, валится на подушку. «Просто скажи „да“», – молча молила я.

– Смогу подстроить свой график не раньше среды, – сказал Купер.

– Не так уж плохо.

– Думаешь, мне разрешат подоить корову?

– Я похлопочу за тебя.

Через все эти мили я почувствовала, как он улыбается.

– Элли, ну ты и влипла!

Глава 5

Аарон торопливо вошел в кухню и сел за стол. Сара, проворно развернувшись, как в балетном па, поставила перед ним чашку кофе.

– Где Кэти? – нахмурившись, спросил он.

– Еще спит, – ответила Сара. – Пока не хочу ее будить.

– Пока? Ведь скоро начнется Gemeesunndaag. Пора идти, или мы опоздаем.

Сара прижала ладони к столешнице, словно собираясь еще больше разгладить пластик. Потом она распрямила плечи, приготовившись возразить Аарону, то есть сделать нечто, весьма редко происходившее в ее замужестве.

– По-моему, Кэти сегодня не стоит ходить в церковь.

Аарон опустил кружку на стол:

– Разумеется, она пойдет в церковь.

– Она неважно себя чувствует, Аарон. Видел, какое у нее вчера было лицо?

– Она не больна.

Сара опустилась на стул напротив него:

– Люди уже наверняка слышали об этом ребенке. И об Englischer.

– Епископ знает, что сказала Кэти, и он ей верит. Если Эфрам решит, что Кэти нужно исповедаться, он сначала подойдет к ней и поговорит.

Сара закусила губу:

– Эфрам верит словам Кэти о том, что она не убивала ребенка. Но верит ли он ей, когда она говорит, что ребенок не ее? – Не дождавшись ответа, Сара дотянулась до мужа и тронула его за руку. – А ты веришь?

С минуту он молчал.

– Я его видел, Сара, и дотрагивался до него. Не знаю, как он туда попал. – Скривившись, он признал: – Но я знаю, что Кэти и Сэмюэл не первые, кто мог не дожждаться свадебной клятвы.

Сдерживая слезы, Сара покачала головой:

– Наверняка это будет означать Meidung. Даже, если она исповедуется и попросит прощения, ее все равно на время отлучат от Церкви.

– Да, но потом ее простят и позовут назад.

– Иногда, – Сара поджала губы, – бывает и по-другому.

На них обоих вдруг нахлынули воспоминания об их старшем сыне Джейкобе, и Аарон в раздражении отодвинул свой стул. Сара не произнесла имени сына, но воскресила его образ в доме, где тот считался давно умершим. Боясь реакции Аарона, Сара отвернулась, но, когда прозвучал мягкий надтреснутый голос мужа, она очень удивилась.

– Если Кэти сегодня останется дома, – произнес он, – если она скажется больной и не появится на людях, пойдут разговоры. Люди подумают: она не пришла, потому что ей есть что скрывать. Для нее же лучше, если она будет делать то, что делает каждое воскресенье.

Вздохнув с облегчением, Сара кивнула, но, услышав тихий голос Аарона, вновь сжалась.

– Но если ее отлучат от Церкви, я скорее поддержу свою Церковь, чем свое дитя.

Около восьми часов утра Аарон впряг лошадь в багги. Кэти залезла на заднюю скамью, а потом рядом с Аароном на широкую скамью села Сара. Аарон взялся за поводья как раз в тот момент, когда из дому во двор выбежала Englischer.

Зрелище было еще то. Ее короткие волосы стояли на голове торчком, а на одной щеке отпечатались складки от наволочки. По крайней мере, на ней длинное хлопковое платье, подумал Аарон, взамен вчерашней открытой одежды.

– Эй! – прокричала она, истоиво махая руками, чтобы остановить их. – Куда это вы собрались?

– В церковь, – без выражения произнес Аарон.

– Нельзя. – Элли скрестила руки. – То есть вам можно, а вашей дочери нельзя.

– Моя дочь поедет, как делала всю жизнь.

– В соответствии с законами штата Пенсильвания Кэти оставлена под надзором под мою ответственность. И она никуда без меня не поедет.

Аарон взглянул на жену и пожал плечами.

Элли во многом заблуждалась насчет багги амишей, но самое главное ее заблуждение состояло в том, что они якобы неудобные. Легкий приятный аллюр лошади успокаивал чувства, а ветерок, врывавшийся через открытую переднюю часть и задние окна, ослаблял июльскую жару. Туристы на своих автомобилях осторожно подъезжали к багги сзади, а затем, поддав газу, с ревом обгоняли его.

Лошадь бежала вперед со скоростью двенадцать миль в час, и Элли вполне успевала пересчитать пасущихся в поле телят, заметить буйно разросшуюся по краю дороги дикую морковь. Мир не проносился мимо, а развертывался. Элли, большую часть жизни проводившая в спешке, поймала себя на том, что в изумлении смотрит по сторонам.

Она разглядела в отдалении церковь. Однако, к ее удивлению, Аарон повернул коляску в жилой квартал. Неожиданно они оказались в длинной мрачной чередке багги, выстроившихся как на парад. Ни часовни, ни колокольни, ни шпиля – всего лишь амбар и фермерский дом. Аарон остановил багги, и Сара вышла из него. Кэти подтолкнула Элли в плечо.

– Пойдем, – прошептала она.

Элли споткнулась, выходя из экипажа, но сразу выпрямилась.

Ее со всех сторон окружали амиши. Их было больше сотни, они высыпали из багги, пересекали двор и, собираясь группками, негромко переговаривались и обменивались рукопожатиями. Дети сновали взад-вперед у юбок матерей и отцовских ног. Наполненная сеном повозка стала временной кормушкой для массы лошадей, на которых семьи приехали в церковь. Как только Элли появилась там, на нее обратились любопытные взоры. Люди шептались и, указывая на нее, хихикали.

Элли вспомнила, что чувствовала себя подобным образом только один раз – много лет назад, когда проводила лето в Африке, участвуя в строительстве деревни вместе с другими студентами колледжа. Никогда до этого она не осознавала свое отличие от других людей. Она вздрогнула, когда кто-то взял ее под руку.

– Пошли, – сказала Кэти, таща Элли за собой через двор, словно это обычное дело, словно она каждый день разгуливает в компании Englischer.

Девушку остановил высокий мужчина с густой белой бородой и яркими, как у ястреба, глазами.

– Кэти, – произнес он, похлопав ее по руке.

– Епископ Эфрам.

Элли, стоявшая достаточно близко, заметила, что Кэти дрожит.

– Вероятно, вы адвокат, – произнес он по-английски достаточно громко, чтобы его услышали все те, кто хотел услышать. – Та самая, которая вернула Кэти домой. – Он протянул Элли руку. – Добро пожаловать.

Затем он направился к амбару, где собирались мужчины.

– Епископ Эфрам сделал все замечательно, – прошептала Кэти. – Теперь люди не станут любопытничать на счет вас во время богослужения.

– Где же вы проводите богослужение? – спросила озадаченная Элли. – Во дворе?

– В доме. Каждое воскресенье службу проводит новая семья.

Элли с сомнением оглядела небольшой, обшитый вагонкой, фермерский дом.

– Все эти люди ни за что не поместятся в этом домишке.

Кэти не успела ответить, поскольку к ней подошли две девушки и, взяв ее за руки, принялись настойчиво расспрашивать, обеспокоенные слухами. Кэти покачала головой, успокаивая их, потом заметила стоящую в стороне Элли, которой было явно не по себе.

– Хочу вас познакомить, – сказала она. – Мэри Эш, Ребекка Лэпп, а это Элли Хэтэуэй, мой...

Элли криво улыбнулась этой заминке Кэти.

– Адвокат, – подсказала она. – Приятно познакомиться.

– Адвокат? – Ребекка чуть не задохнулась, как будто услышала бранное слово, а не название профессии. – Зачем тебе нужен адвокат?

К этому времени женщины выстроились в линию и начали гуськом заходить в дом. Молодые одинокие женщины шли впереди, но Элли была там явно не к месту.

– Они не знают, что с вами делать, – объяснила Кэти. – Вы гость, поэтому должны идти за ведущим. Но вы не крещеная.

– Давайте я все устрою. – Элли решительно встала между Кэти и Ребеккой. – Вот так. – Какая-то женщина постарше нахмурилась и погрозила Элли пальцем, недовольная тем, что во главе процессии стоит не член общины. – Успокойтесь, – пробормотала Элли. – Правила придуманы для того, чтобы их нарушали.

Подняв глаза, она поймала на себе серьезный взгляд Кэти.

– Не здесь.

Только когда Кэти стала постоянно навещать Джейкоба, она по-настоящему поняла, как людей может сокрушать дьявол. Это совсем не трудно, если Люцифер искушает нас такими вещами, как плееры с компакт-дисками или джинсы «Левайс 501». Не то чтобы она считала своего брата падшим, просто воочию увидела, как один падающий с небес архангел может легко протянуть руку и увлечь за собой вниз следующего, и следующего, и следующего.

Однажды, когда ей исполнилось пятнадцать, Джейкоб сказал, что у него есть для нее сюрприз. Он привез ей на вокзал какую-то одежду и подождал, пока она не переоденется в туалете, а потом отвел ее на парковку. Но вместо своей машины он подошел к большому универсалу, в который набились его друзья-студенты.

– Эй, Джейк! – опустив окно, окликнул его один из парней. – Ты не говорил, что твоя сестра такая горячая штучка!

Кэти автоматически похлопала себя по толстовке. Может быть, слишком тепло оделась... Джейкоб прервал ее мысли.

– Ей пятнадцать, – сурово произнес он.

– Малолетка! – высказалась какая-то девица из машины, потом притянула парня к себе и стала целовать его в губы.

Кэти никогда так близко не видела целующихся в открытую людей. Она пялилась на них, и Джейкобу пришлось потянуть ее за руку. Он залез в машину, растолкав сидящих там ребят, чтобы освободить место для сестры. Потом обрушил на нее целый поток имен, и она даже не пыталась их запомнить. И вот они тронулись под аккомпанемент тяжелого ритма «Стоунз» и приглушенную возню парочки, взасос целующейся на заднем сиденье.

Через некоторое время машина въехала на парковку, и Кэти увидела гору и горнолыжный комплекс у ее подножия.

– Удивлена? – спросил Джейкоб. – Что скажешь?

Кэти сглотнула:

– Что мне будет очень трудно объяснить маме и папе, где я сломала ногу.

– Да не сломаешь ты ногу. Я тебя научу.

И он научил – примерно за десять минут. А потом оставил Кэти на склоне для начинающих с семилетними детьми из горнолыжной секции, а сам ринулся со своими друзьями из колледжа на вершину горы. Кэти, поставив лыжи «плугом», спустилась по пологому холму, а потом, прицепившись к бугельному подъемнику, вновь поднялась наверх. Внизу она всякий раз, заслонив глаза от солнца, высматривала Джейкоба, но он так и не появился. Весь этот мир казался ей незнакомым – гладким и белым, испещренным фигурками людей, которые объезжали ее по широкой дуге. Так вот как это бывает, думала она, когда тебя навсегда отлучают от Церкви. Теряешь всех значимых для тебя людей, остаешься совсем один.

Она подняла глаза к кресельному подъемнику. Разумеется, если только не сделаешь того, что сделал Джейкоб: не превратишься в совершенно другого человека. Она не понимала, каким образом ему удалось это так легко, словно он никогда не жил другой жизнью в другом месте.

Словно только эта новая жизнь имела значение.

На нее вдруг накатила злость на Джейкоба. Они с мамой трудятся в поте лица, а он в это время где-то там пьет пиво и носится по горным склонам. Она сбросила с ног прокатные лыжи и, оставив их на снегу, пошла обратно в раздевалку.

Кэти не знала, сколько времени просидела там, глядя в окно. Когда брат вошел, топая ногами и держа в руках ее лыжи, солнце уже клонилось к горизонту.

– Himmelf, Кэти! – заорал он, переходя на диалект. – Нельзя оставлять лыжи без присмотра. Знаешь, сколько придется заплатить, если ты их потеряешь?

Кэти медленно повернулась:

– Нет, Джейкоб, не знаю. И я не знаю, сколько стоит взять их напрокат на день. Если подумать, я не знаю, сколько стоит ящик пива. И уж наверняка понятия не имею, зачем я приехала сюда на поезде к тебе в гости.

Она попыталась пройти мимо него, но не смогла далеко отойти в тяжелых громоздких ботинках, и брат поймал ее за руку.

– Ты права, – ласково произнес он. – С ними я каждый день, а тебя почти не вижу.

Кэти откинулась на спинку скамьи и уперлась подбородком в кулаки.

– Зачем ты привез меня сюда?

– Я хотел кое-что показать тебе. – Кэти опустила глаза, но он протянул к ней руку. – Дай попытаться еще раз. Поднимемся с тобой на кресельном подъемнике.

– Ой, нет!

– Я все время буду рядом с тобой. Обещаю.

Кэти позволила вывести себя к склону, где Джейкоб надел на нее лыжи и потащил к очереди на подъемник. Он шутил и поддразнивал ее, держался совсем как брат, которого она помнила. Кэти не могла взять в толк, когда Джейкоб искренен, а когда притворяется. И вот подъемник забрался так высоко, что Кэти увидела вершины всех деревьев, отходящие от лыжного холма дороги и даже край здания университета.

– Как красиво! – выдохнула она.

– Вот что я хотел тебе показать, – тихо произнес Джейкоб. – Наш Парадайс – всего лишь крошечная точка на карте.

Кэти не ответила. Она позволила Джейкобу помочь ей сойти с подъемника и, следуя его наставлениям, медленно спустилась с холма. Она никак не могла выкинуть из головы картину мира, увиденную с вершины холма, и в то же время ее не отпускала мысль о том, что у подножия ей будет гораздо безопасней.

---

⁸ Боже мой (нем.).

Будь это любое другое воскресенье, думала Элли, и они со Стивеном читали бы в постели «Нью-Йорк таймс», ели рогалики, засыпая крошками одеяло, может быть, даже слушали джаз на компакт-диске и занимались любовью. Вместо этого она, зажата с двух сторон амишскими девушками, сидела на своей первой амишской службе.

Кэти была права: всех действительно удалось запихать вовнутрь. Предварительно мебель убрали, чтобы освободить место для длинных церковных скамей без спинок, привезенных в фургоне и обычно кочующих из дома в дом. Широкие двери и складные перегородки помещения позволяли почти каждому видеть со своего места центр дома, где будут стоять посвященные в духовный сан. Женщины и мужчины сидели в одном помещении, но с разных сторон, пожилые и состоящие в браке – впереди. На кухне матери нянчились с младенцами, маленькие дети терпеливо сидели рядом с родителем одного с ними пола. Когда Ребекка пошевелилась, подталкивая ее к Кэти, Элли сжалась. Она ощущала запах пота, мыла и слабый запах домашнего скота.

Наконец настал тот момент, когда ни одного больше человека втиснуть стало невозможно. Элли в напряженной тишине ждала начала службы. Все ждала и ждала. Но никто не спешил начинать. Очевидно, только ее одну в какой-то степени волновало то, что ничего не происходит. По комнате прошелестел шепот, и Элли огляделась по сторонам.

– Ты сделай это. Ты... нет, ты.

Наконец поднялся пожилой мужчина и объявил номер. Открылась одновременно сотня книг. Кэти, державшая на коленях Ausband, пододвинула книгу к Элли, чтобы та могла увидеть напечатанные слова гимна.

Элли вздохнула. «В чужой монастырь со своим уставом...» – или так она считала? Ей не приходилось петь с листа, на котором не было нот. Там были только стихи, а она не знала мелодий амишских гимнов. В сущности, она вообще не знала мелодий гимнов. Один старик начал медленно петь размеренным фальцетом, другие подхватили вслед за ним. Элли заметила, как посвященные в духовный сан – епископ Эфрам, два священника и еще один мужчина, которого она раньше не видела, – встали со своих мест и поднялись наверх. Счастливики, подумала Элли.

Она продолжала так думать и полчаса спустя, когда, закончив первый гимн, несколько минут просидела в молчании, а потом приступила ко второму гимну Loblied, хвалебной песне. Элли закрыла глаза, восхищаясь выносливостью этих людей, умудрявшихся сидеть прямо на скамьях без спинок. Ей было не вспомнить, когда она в последний раз посещала церковную службу, но наверняка та служба закончилась задолго до того момента, когда эти амишские священники и епископ сошли по лестнице вниз, чтобы прочитать вводную проповедь.

– Дорогие братья и сестры...

– Да будет благословен Господь и Отец нашего Господа Иисуса Христа...

Элли клевала носом, когда услышала, как Кэти что-то тихо шепчет ей на ухо.

– Он просит прощения за свою неопытность как священника. Не хочет отнимать время у брата, который прочитает главную проповедь.

– Если он так неопытен, – зашептала в ответ Элли, – почему он стал священником?

– На самом деле не так уж он плох. Просто он показывает, что у него нет гордыни.

Элли кивнула, глядя на пожилого человека новыми глазами.

– Und wann dir einig sin lasset uns bedede⁹, – произнес он, и, как одно целое, все люди, находящиеся в комнате, кроме Элли, упали на колени.

Она взглянула на склоненную голову Кэти, на склоненные головы посвященных, на море каппов и гладко зачесанных волос и очень медленно опустила на пол.

---

⁹ И когда ты согласишься с нами (нем.).

Посреди ночи комната Кэти наполнилась светом. Охваченная предчувствием, она села на кровати и быстро оделась. Почти каждый местный парень возил с собой в багги мощный фонарь, которым светил в окно девушки, подавая ей сигнал тайком выйти на свидание ночью в субботу. Кэти накинула на плечи шаль – стоял февраль, и на улице было холодно – и на цыпочках спустилась по лестнице, думая о глазах Джона Бейлера, таких же теплых и золотистых, как осенние листья на буках.

Она подумала, что отругает его за то, что вытащил ее из дому в такую холодную ночь, но потом прогуляется с ним, время от времени задевая его плечом, чтобы он не обижался. Ее лучшая подружка Мэри Эш уже позволила Керли Джо Йодеру поцеловать себя в щеку. Кэти приоткрыла боковую дверь и вышла на площадку. Глаза у нее светились, ладони повлажнели. Повернувшись с блуждающей на губах улыбкой, она нос к носу столкнулась со своим братом.

– Джейкоб! – чуть не задохнулась она. – Что ты здесь делаешь?

Она тотчас же подняла глаза к окну родительской спальни. Ничего хорошего, если ее застукают с кавалером, но если отец обнаружит в доме Джейкоба, трудно даже вообразить, что может произойти. Приложив палец к губам, Джейкоб взял сестру за руку и, ни слова не говоря, поспешно увлек ее за собой к ручью.

Остановившись на берегу пруда, он рукавом своего пуховика смахнул снег с небольшой скамьи. Потом, увидев, что Кэти дрожит, снял куртку и накинул ее на плечи сестры. Они оба устали на черный лед, гладкий как шелк и такой прозрачный, что под ним были видны смерзшиеся плети водорослей.

– Ты уже была здесь сегодня? – спросил он.

– А как ты думаешь? – Она пришла сюда рано утром, чтобы отметить пятую годовщину. Кэти поднесла ладони к щекам, зардевшись при мысли, что думала о Джоне Бейлере, тогда как ей надлежало думать только о Ханне. – Никак не могу поверить, что ты приехал.

– Я приезжаю каждый год, – нахмурился Джейкоб. – Просто раньше никогда не заходил к тебе.

Ошеломленная Кэти повернулась к нему:

– Приезжаешь каждый год?

– В день, когда она умерла. – (Они оба вновь устали на пруд, глядя, как ветви ивы при каждом порыве ветра касаются поверхности льда.) – А мама? Как она?

– Так же как всегда. Ей немного нездоровилось, рано легла спать.

Джейкоб откинулся на спинку скамьи и устремил взгляд на широко распахнувшееся небо, усыпанное какими-то выпуклыми звездами.

– Помню, как слышал ее плач, когда она сидела на качелях на террасе под моим окном. Наверное, не будь я таким занятым учебой, этого не случилось бы.

– Мама сказала, на то была Божья воля. Это все равно случилось бы – не важно, читал ты свои учебники или нет, вместо того чтобы кататься с нами на коньках.

– Знаешь, это был единственный раз, когда я начал сомневаться, а стоит ли мне так сильно стремиться к получению образования. Как будто смерть Ханны была каким-то наказанием за это.

– Почему же наказывать надо тебя? – Кэти проглотила ком в горле. – В тот день мама велела именно мне присматривать за ней.

– Тебе было всего одиннадцать. Ты не могла знать, что надо делать.

Кэти закрыла глаза и представила себе ужасный шум трескающегося льда, услышанный много лет назад, – шум от сдвигающихся тектонических плит, когда подают голос потревоженные глубинные чудовища. Она воочию увидела, как Ханна, гордая оттого, что впервые сама привязала коньки, помчалась через пруд и как засверкали из-под зеленой юбки серебристые лезвия. «Посмотри на меня, посмотри!» – прокричала Ханна, но Кэти не слушала, мечтая о необычном блестящем костюме одной олимпийской фигуристки, который

она увидела в газете на кассе супермаркета. Раздался вопль и треск льда. Когда Кэти подъехала к ней, Ханна уже соскользнула под лед.

– Она пыталась удержаться, – тихо сказала Кэти. – Я все повторяла ей, чтобы держалась, пока я не найду длинную ветку, как учил нас папа. Но мне никак было не достать до ветки, чтобы обломать ее, и Ханна все плакала, и каждый раз, когда я поворачивалась к ней спиной, ее рукавички соскальзывали еще больше. А потом она пропала. Вот так... – Кэти подняла лицо к брату, не смея признаться ему, что ее мысли в тот день были суетными и столь же достойными порицания, как и то, что делал он. – Сейчас ей было бы больше лет, чем было мне, когда она умерла.

– Я тоже тоскую по ней, Кэти.

– Это не одно и то же. – Сдерживая слезы, она опустила глаза. – Сначала Ханна, а потом ты. Почему меня покидают люди, которых я люблю больше всего?

Джейкоб накрыл ее руку своей ладонью, и Кэти подумала, что впервые за много месяцев узнаёт своего брата. Она смотрела на него, одетого в красный пуховик, с чисто выбритым лицом и короткими медными волосами, и видела Джейкоба на сеновале, в рубашке и штанах на подтяжках, в сдвинутой набок шляпе и головой, наклоненной над учебником старшей школы по английскому языку, – Джейкоба, одержимого безумными мечтами. Потом вдруг в сердце закралась тревога, и волосы у нее на затылке встали дыбом. Устремив взгляд на пруд, она увидела едва различимую фигурку, скользящую по льду и поднимающую облачка снега. Ничем не примечательная конькобежка, не считая того, что Кэти видела кукурузное поле и склонившиеся ветви ивы прямо сквозь шаль, юбку и лицо девочки.

Кэти не верила в привидения. Как и остальные люди из их общины, она верила, что упорный труд в этой жизни вознаграждает человека – нечто вроде стратегии ожидания и надежды на лучшее, не оставляющей места для блуждающих духов и страждущих душ. Сильно бьющимся сердцем Кэти поднялась на ноги и стала осторожно приближаться по льду к тому месту, где каталась Ханна. Джейкоб что-то прокричал, но она почти не слышала его. Она, наученная верить в то, что Бог ответит на твою молитву, убедилась в правдивости этого – в тот самый момент к ней вернулись брат и сестра.

Протянув руку, Кэти прошептала:

– Ханна?

Но ухватилась за пустоту, вздрогнув, когда прозрачная юбка Ханны обвилась вокруг ее собственных ног, обутых в ботинки.

Сильная рука схватила ее и вытащила на безопасный берег пруда.

– Что ты делаешь, черт возьми?! – прошипел Джейкоб. – С ума сошла?

– Разве не видишь это?

Кэти молилась, чтобы он увидел, чтобы она сама не потеряла рассудок.

– Я ничего не вижу, – искоса взглянув на нее, сказал Джейкоб. – А что?

На пруду Ханна подняла руки к ночному небу.

– Ничего, – ответила Кэти с сияющими глазами. – Совсем ничего.

Сказать, что служба тянулась бесконечно, не было бы большим преувеличением. Элли была поражена поведением детей, которые, высижив чтение Библии и два часа главной проповеди, почти не капризничали. Для родителей с маленькими детьми на руках из комнаты в комнату передавалась небольшая миска крекеров и кувшин воды. Элли занимала себя тем, что считала, сколько раз проповедник поднимал свой белый носовой платок и вытирал им лоб. В проходе перед Элли другой носовой платок служил развлечением для маленькой девочки, старшая сестра которой сворачивала из него мышей и тряпичных кукол.

По тому, как накалилась в комнате атмосфера и разнесся тихий гул голосов, она поняла, что служба подходит к концу. Собрание поднялось для благословения, и, когда епископ назвал

имя Иисуса, все снова упали на колени, и одна Элли осталась стоять. Вновь усаживаясь рядом с Кэти, она почувствовала, что девушка вдруг одеревенела.

– В чем дело? – прошептала она, но Кэти, не разжимая губ, покачала головой.

Заговорил дьякон. Прислушиваясь, Кэти подалась вперед, а потом с облегчением закрыла глаза. Элли заметила, что сидевшая в нескольких рядах от них Сара уронила голову на грудь. Элли дотронулась до колена Кэти и нарисовала знак вопроса.

– Собрание членов общины не состоится, – с радостью пробормотала Кэти. – Никаких порицаний не будет.

Элли задумчиво посмотрела на девушку. Должно быть, у той девять жизней, раз ей удалось спастись от английской правовой системы, а также от карательных функций собственной общины. После очередного гимна всех отпустили. С начала службы прошло три с половиной часа. Кэти побежала на кухню накрывать столы для угощения. Элли хотела пойти с ней, но задержалась, отвечая на приветствия людей. Кто-то подтолкнул ее к столу, где закусывали посвященные, приглашая сесть с ними.

– Нет, – покачала она головой.

Даже Элли было ясно, что существует сложившийся порядок и ей не следует приступать к еде первой.

– Вы гостя, – жестом приглашая Элли сесть, сказал епископ Эфрам.

– Мне надо найти Кэти.

Она почувствовала на своих плечах сильные руки и, подняв глаза, увидела Аарона Фишера, который подталкивал ее к столу.

– Это честь, – глядя ей в глаза, сказал он.

Элли без звука опустилась на скамью.

Ни разу в жизни Кэти не видела ничего похожего на церемонию вручения дипломов в Пенсильванском университете – пышное красочное зрелище, сопровождаемое серебряными вспышками камер, что заставляло ее каждый раз вздрагивать. Когда для получения диплома в великолепной черной квадратной шапочке и мантии вышел Джейкоб, она захлопала в ладоши громче всех. Она им гордилась – на редкость не амишское чувство, но вполне уместное в американском университетском мире. Удивительно, что у него ушло на это всего пять лет, включая год, потраченный на освоение предметов старшей школы, которые он до этого не изучал. И хотя сама Кэти не видела для себя смысла учиться дальше после восьмого класса, поскольку ей предстояло в будущем заниматься хозяйством, она не могла отрицать того, что Джейкобу это необходимо. Лежа на полу в его квартире, она слушала, как он читает вслух всякие книги. Ее поневоле захватывали сомнения Гамлета, видения Холдена Колфилда, когда ему представлялась его сестра на той карусели, одинокая зеленая лампа мистера Гэтсби.

Вдруг выпускники стали подбрасывать свои шапки в воздух, словно с деревьев сорвалась стая скворцов, вспугнутая звоном молотков на строительстве коровника. Кэти улыбнулась, увидев спешащего к ней Джейкоба.

– Ты такой молодец, – сказала она, обнимая его.

– Спасибо, что приехала. – Подняв голову, Джейкоб вдруг прокричал приветствие кому-то на той стороне лужайки. – Вот человек, с которым я хочу тебя познакомить.

Джейкоб подвел ее к мужчине выше даже себя самого, в такой же черной мантии, но с голубым шарфом через плечо.

– Адам! – (Мужчина с улыбкой обернулся.) – Привет, вот доктор Синклер.

Он был немного старше Джейкоба – об этом говорили морщинки вокруг глаз. И она подумала, что он часто смеется. Волосы имели медовый оттенок, и почти такие же были глаза. Когда Кэти встретилась с ним взглядом, на нее сошел абсолютный покой, словно только у этого *Englischer* была «простая» душа.

– Адам только что получил степень доктора философии, – объяснил Джейкоб. – Как раз у него я снимаю дом.

Кэти кивнула. Она знала, что Джейкоб переехал из студенческого общежития в небольшой городской дом, поскольку остался в Пенсильванском университете в должности ассистента преподавателя. Она знала, что владелец этого дома уезжал для проведения исследовательской работы. Знала также, что до отъезда владельца они с Джейкобом жили вместе. Но она не знала его имени. И не думала прежде, что можно стоять довольно далеко от человека, но ощущать его совсем рядом, так близко, что становилось трудно дышать.

– *Wie bist du heit*, – сказала Кэти и покраснела, смущенная тем, что приветствовала его на немецком.

– Наверное, вы Кэти, – откликнулся Адам. – Джейкоб рассказывал мне о вас. – И он дружеским жестом протянул ей руку.

Кэти вдруг подумала об историях про Гамлета, и Холдена Колфилда, и мистера Гэтсби, которые рассказывал ей Джейкоб, и с абсолютной ясностью поняла, что изучение эмоциональной сферы человека может так же пригодиться в обычной жизни, как и навыки в выращивании овощей в огороде или развешивании белья. Ей интересно было бы узнать, в какой области знаний этот человек получил свою степень доктора философии. Кэти с готовностью пожала руку Адама Синклера и улыбнулась ему в ответ.

Приехав домой и пообедав, Аарон и Сара занялись тем, что обычно делают амиши в воскресенье днем: визитами к родственникам и соседям. Элли, раскопав целую подборку книг детской писательницы Лоры Инглз, принялась за чтение. Она чувствовала себя усталой и раздраженной после долгого утра, а ритмическое цоканье лошадиных копыт по шоссе вызвало у нее мигрень.

Кэти, перебив всю посуду, вошла в гостиную и уютно устроилась в кресле рядом с Элли. Закрыв глаза, она начала тихо напевать себе под нос.

Элли сердито взглянула на нее:

– Ты мне мешаешь.

– Чем мешаю?

– Поёшь, когда я читаю.

Кэти нахмурилась:

– Я не пою. Если это вам мешает, пойдите в другое место.

– Я первая пришла, – ответила Элли, чувствуя себя семиклассницей, но все же встала и пошла к двери, а Кэти тут же пошла вслед за ней. – Господи, теперь вся гостиная в твоём распоряжении!

– Можно задать вам вопрос? Мама сказала, что вы прежде приезжали на лето в Парадайс и жили на ферме вроде нашей. Ей рассказала об этом тетя Леда. Это правда?

– Да, – медленно ответила Элли, недоумевая, зачем Кэти спрашивает. – А что?

– Просто как-то не похоже, что вам здесь очень нравится, – пожала плечами Кэти. – На ферме, я имею в виду.

– Ферма мне очень нравится. Только я не привыкла нянчиться со своими клиентами. – Заметив обиженное выражение на лице Кэти, Элли вздохнула. – Прости. Напрасно я это сказала.

Кэти подняла на нее глаза:

– Я вам не нравлюсь.

Элли не сразу нашлась что ответить.

– Я тебя не знаю.

– Я тоже вас не знаю. – Кэти повозила носком ботинка по деревянному полу. – В воскресенье у нас все по-другому.

– Я заметила. Никаких дел по хозяйству.

– Ну, все же дела есть. Но находится время и для отдыха. – Кэти взглянула на Элли. – Я подумала: раз сегодня воскресенье, мы могли бы тоже заняться кое-чем другим.

Элли внутренне напряглась. Хочет ли Кэти предложить им свалить из городка? Найти пачку сигарет? Уединиться на несколько часов?

– Я подумала, а что, если мы станем друзьями? Просто на эти полдня. Вы можете сделать вид, что познакомились со мной, приехав на ферму, где бывали в детстве, и что ничего такого со мной не случилось.

Элли отложила книгу. Если она расположит Кэти к себе, побуждая девушку раскрыться и сказать правду, то ей может не понадобится помощь Купера.

– Когда я была девчонкой, – медленно проговорила Элли, – то умела запускать камушки по воде дальше моих кузенов.

Лицо Кэти расцвело улыбкой.

– Думаете, и сейчас смогли бы?

Они одновременно вышли через дверь и зашагали по полю. На берегу пруда Элли нашла гладкий плоский камешек и запустила его в воду, сосчитав, что он подпрыгнул над водой пять раз. Потом покачала пятерней:

– Не потеряла сноровку.

Кэти тоже подняла камешек. Четыре, пять, шесть, семь «блинчиков». Широко улыбаясь, она повернулась к Элли.

– А у меня больше, – поддразнивая, сказала она.

Сосредоточившись, Элли прищурила глаза и повторила попытку. Минуту спустя Кэти тоже.

– Ха! – возликовала Элли. – Я выиграла!

– Не выиграла!

– Я опередила тебя на целый ярд, честно!

– Ничего такого я не видела, – запротестовала Кэти.

– Ой, правильно! И твои свидетельства такие же точные. – Кэти рядом с ней сжалась, и Элли вздохнула. – Извини, мне трудно не думать, зачем я здесь на самом деле.

– Вы сейчас здесь, потому что верите мне.

– Не обязательно. Адвокату защиты платят за то, чтобы он заставил присяжных поверить в его слова, которые совпадают или не совпадают с тем, что сказал ему клиент. – Кэти подавила восклицание, и Элли улыбнулась. – Наверное, для тебя это звучит очень странно.

– Я не понимаю, почему судья просто не выберет человека, говорящего правду.

Сорвав травинку тимофеевки, Элли зажала ее в зубах.

– Не так все просто. Речь идет о защите прав человека. А иногда даже для судьи дела не делятся на белые и черные.

– Они белые и черные для «простых» людей, – заметила Кэти. – Если выполняешь «Ордуниг», ты прав. Если нарушаешь, тебя наказывают.

– Ну, в англоязычном мире это называется коммунизмом. – Элли помолчала. – А что, если этого не сделаешь? Что, если тебя обвинили в нарушении правила, а ты невиновен?

Кэти покраснела:

– На собрании членов общины обвиняемый человек имеет шанс рассказать свою историю.

– Угу, но ему кто-нибудь поверит? – Элли пожала плечами. – Тогда-то и выступает адвокат защиты. Мы убеждаем присяжных, что клиент мог и не совершать преступления.

– А если совершил?

– Тогда его все равно оправдают. Такое тоже иногда случается.

Кэти от изумления открыла рот:

– Но это будет ложью.

– Нет, так обычно действуют пиарщики. Чтобы привлечь кого-нибудь к суду, надо посмотреть на произошедшее с разных точек зрения. Ложь – это когда человек не говорит правду. Адвокаты – ну, мы можем говорить о разных вещах, которые нам понадобятся в качестве объяснения.

– Значит... вы будете лгать ради меня?

Элли встретила с ней взглядом:

– А мне придется?

– Все, что я вам рассказала, правда.

– Допустим. – Элли села, скрестив ноги. – А чего ты мне не рассказала?

Взлетела какая-то птичка, бросив тень на лицо Кэти.

– Мы так не врем, – упрямо сказала она. – Вот почему «простой» человек может постоять за себя перед собранием. Вот почему адвокатам защиты не место в нашем мире.

Неожиданно Элли рассмеялась:

– Расскажи мне об этом. Ни разу в жизни не чувствовала себя настолько не на месте.

Взгляд Кэти скользнул по кроссовкам Элли, переместившись вверх по ее летнему платью к миниатюрным качающимся серьгам. Даже в позе Элли, словно трава для ее ног была чересчур колючей, ощущалась какая-то напряженность. В отличие от орд туристов, наполнявших округ Ланкастер, чтобы взглянуть на амишей, Элли к этому не стремилась. Она оказала Леде услугу, переросшую в обязательство.

Кэти понимала настроение Элли, вспоминая свои визиты к Джейкобу. Пусть она и одевалась как обычный тинейджер, но никогда не становилась им. Элли могла считать, что сохраняет свою индивидуальность, однако быть собой в культуре, где другие *Englischers* озабочены тем, чтобы оставаться собой, – это совсем не то, что быть собой в культуре, где все люди хотят быть одинаковыми, но отличными от тебя.

Мир, заполненный людьми, может тем не менее быть весьма уединенным местом.

– Я могу это исправить, – громко произнесла Кэти.

С широкой ухмылкой она зачерпнула из пруда пригоршню воды и брызнула Элли в лицо.

Отплевываясь, Элли вскочила на ноги:

– Зачем ты это сделала?

– Wasser, – сказала Кэти и снова обрызгала Элли.

Элли закрыла лицо ладонями:

– Не понимаю.

– Wasser. Это «вода» по-немецки.

В следующий миг Элли поняла. Она приняла этот маленький дар, свыклась с ним.

– Wasser, – повторила она. – Потом указала на поле. – Табак?

– Duvach.

Кэти просияла, когда Элли произнесла это слово.

– Gut! Die Koo, – сказала она, указывая на пасущуюся голштинскую корову.

– Die Koo.

Кэти протянула Элли руку:

– Wie bist du heit. Приятно познакомиться.

Элли медленно подала свою руку. Впервые с того момента, как она приехала накануне в окружной суд, Элли глубоко заглянула в глаза Кэти. Легкомыслие этого дня, урок немецкого языка отошли в сторону, и для женщин все сосредоточилось на их рукопожатии, на неумолчном стрекоте сверчков и осознании того, что они начинают сначала.

– Ich bin die Katie Fisher, – тихо произнесла Кэти.

– Ich bin die Ellie Hathaway, – ответила Элли. – Wie bist du heit¹⁰.

– Хочу перед началом фильма купить попкорн, – вставая, сказал Джейкоб; Кэти принялась шарить по карманам в поисках денег, которые ей всегда давала с собой мама, но Джейкоб покачал головой. – Я угощаю. Эй, Адам, присмотри за ней.

Кэти поникла в своем кресле, сердясь на брата, который явно принимает ее за ребенка.

– Мне семнадцать. Он что, думает, я сбегу?

Сидящий рядом с ней Адам улыбнулся:

– Скорее всего, он беспокоится, как бы кто-нибудь не похитил его хорошенькую сестричку.

Кэти покраснела до корней волос.

– Не думаю, – ответила она.

Кэти не привыкла к комплиментам своей красоте, но ничего не имела против похвалы за хорошо выполненную работу. К тому же она смутилась, оставшись наедине с Адамом, которого Джейкоб пригласил с ними в кино.

Кэти не носила часов и не знала, сколько времени остается до начала фильма. Для нее это был четвертый фильм в жизни. Ожидалась любовная история – несколько странная тема для двухчасового фильма. В ее представлении любовь не была тем моментом, когда, заглядывая в глаза парня, ты чувствуешь, как почва уходит у тебя из-под ног, или когда находишь в его душе все то, чего недостает в твоей. Любовь приходит неторопливо, уверенно и состоит в равной мере из поддержки и уважения. «Простая» девушка не влюбится, а опустит глаза и поймет, что увязла в любви. «Простая» девушка знает, что любит человека, если через десять лет увидит рядом с собой того же парня, обнимающего ее за талию.

Звук голоса Адама отвлек ее от этих мыслей.

– Итак, – вежливо начал он, – вы живете в Ланкастере?

– В Парадайсе. Ну, на его краю.

Глаза Адама загорелись.

– На краю Парадайса, – с улыбкой повторил он. – Звучит так, будто вам грозит падение.

Кэти прикусила губу. Она не понимала шуток Адама. Пытаясь сменить тему разговора, она спросила, по какому предмету у него диплом – по английской литературе, как у Джейкоба?

– На самом деле нет, – ответил Адам. Неужели он покраснел? – Я изучаю паранормальные явления.

– Пара...

– Привидения. Я изучаю привидения.

Если бы он в тот момент скинул с себя всю одежду, Кэти и то не была бы так потрясена.

– Вы их изучаете?!

– Я за ними наблюдаю. И пишу о них. – Он покачал головой. – Можете не говорить, что не верите в привидения, как большая часть свободного мира. Когда я рассказываю людям о теме моей докторской диссертации, они думают, что это взято из заочных телевизионных курсов. Но я сам честно пришел к этому. Моей основной дисциплиной поначалу была физика, я изучал законы энергии. Только подумайте – энергию невозможно уничтожить, а можно лишь преобразовать в нечто другое. Так что, когда человек умирает, куда девается его энергия?

– Не знаю... – в растерянности заморгала Кэти.

– Вот именно. Она должна куда-то переходить. И эта остаточная энергия время от времени появляется в виде призрака.

---

¹⁰ – Я Кэти Фишер. – Я Элли Хэтэуэй. Приятно познакомиться (нем.).

Кэти пришлось опустить глаза, а иначе она призналась бы этому едва знакомому человеку в том, в чем не признавалась еще никому.

– А-а, – мягко произнес Адам. – Теперь вы думаете, что я чокнутый.

– Нет, – немедленно отозвалась Кэти. – Не думаю.

– Но если поразмыслить, все это не лишено смысла, – осторожно произнес он. – Эмоциональная энергия, исходящая от трагического события, оставляет свой след на камне, доме, дереве, будто оставляет воспоминание. На атомном уровне все это имеет активность, поэтому может запасать энергию. И когда живые люди видят привидения, они видят остаток уловленной энергии. – Он пожал плечами. – Таков кратко мой тезис.

Неожиданно появился Джейкоб с ведерком попкорна, которое поставил Кэти на колени.

– Рассказываешь ей о своих псевдонаучных поисках?

– Э-э, – ухмыльнулся Адам. – Твоя сестра верит мне.

– Моя сестра наивна, – поправил Джейкоб.

– Это другая сторона, – проигнорировав его и повернувшись к Кэти, сказал Адам. – Не стоит пытаться убедить скептиков, потому что они никогда не поймут. А если же человек сталкивался в жизни с паранормальными явлениями – ну, тогда он приложит все усилия, чтобы найти кого-то вроде меня, готового выслушать. – Он посмотрел ей в глаза. – У каждого есть нечто, неотступно преследующее его. Просто некоторые из нас видят это лучше других.

Посреди ночи Элли проснулась от тихого стога. Отгоняя от себя сон, она села в кровати и повернулась к Кэти, которая тихо ворочалась под одеялом. Элли подошла к девушке и дотронулась до ее лба.

– Es dut weh, – пробормотала Кэти, вдруг отбросила покрывало, и спереди на ее белой ночной рубашке стали видны два расплывающихся круглых пятна. – Мне больно, – закричала она, трогая руками влажные пятна на рубашке и постели. – Со мной что-то не так!

У Элли были подруги, и некоторые из них имели опыт деторождения. Они шутили по поводу того дня, когда приходит молоко, превращая их в персонажей комиксов с огромными грудями.

– В этом нет ничего страшного. После рождения ребенка это совершенно естественно.

– У меня не было ребенка! – взвизгнула Кэти. – Neh! – Она оттолкнула Элли, и та упала на твердый пол. – Ich hab ken Kind kaht... mein hatz ist fol!

– Я тебя не понимаю! – рассердилась Элли.

– Mein hatz ist fol!

Элли было ясно, что Кэти даже до конца не проснулась, просто напугана. Решив, что не станет одна с этим разбираться, Элли вышла из спальни и сразу же натолкнулась на Сару.

Непривычно было видеть мать Кэти в ночном одеянии, с золотистыми волосами, закрывающими бедра.

– Что это? – спросила она, опустившись на колени у постели дочери.

Кэти сжимала ладонями груди. Сара осторожно отвела ее руки и расстегнула ночную рубашку дочери.

Элли вздрогнула. Грудь Кэти раздулась и стала твердой, как камень, покрывшись голубой сеткой сосудов, а из сосков струились крошечные ручейки молока. По настоянию Сары Кэти послушно пошла за матерью в ванную комнату. Элли смотрела, как Сара невозмутимо массирует болезненные груди дочери, сцеживая молоко в раковину.

– Это доказательство, – под конец без выражения сказала Элли. – Кэти, взгляни на свое тело. У тебя действительно был ребенок. Это молоко для ребенка.

– Neh, lus mich gay! – рыдала Кэти, сидя на унитазе.

Стиснув зубы, Элли села на корточки рядом с ней:

– Господи, ты живешь на молочной ферме и знаешь, что с тобой сейчас происходит. Ты... родила... ребенка.

Кэти покачала головой:

– Mein hatz ist fol.

Элли повернулась к Саре:

– Что она говорит?

Старшая женщина погладила дочь по волосам.

– Что молока нет и что не было ребенка, – перевела Сара. – Кэти говорит, все это происходит, потому что у нее переполнено сердце.

Глава 6

Элли

Позвольте мне объяснить – шить я не умею. Дайте мне иголку с ниткой и брюки, которые надо подшить, и вполне вероятно, что я пришью ткань к собственному большому пальцу. Я выбрасываю носки с дырками на пятках. И скорее умру, чем сделаю один шов, и это действительно о чем-то говорит.

Это все предисловие вот к чему: когда Сара пригласила меня в гостиную на мастер-класс по шитью лоскутных одеял, я была не в восторге. После прошедшей ночи между нами возникло напряжение. Утром она без слов вручила Кэти длинную полосу белого муслина, чтобы девушка перетянула себе грудь. Это приглашение на мастер-класс было своего рода уступкой, предложением войти в ее мир, ранее закрытый для меня. Это было также просьбой не придавать большого значения прошедшей ночи.

– Тебе необязательно шить, – увлекая меня за руку в другую комнату, сказала Кэти. – Можешь просто смотреть.

В гостиной сидели четыре женщины и сами Фишеры: мать Леви, Анна Эш, мать Сэмюэла, Марта Стольцфус, и две кузины Сары, Рейчел и Луиза Лэпп. Эти женщины, по возрасту моложе Сары, принесли с собой маленьких детей: одного запеленатого младенца и годовалую девочку, которая, сидя на полу у ног Рейчел, играла с лоскутками ткани.

На столе было расстелено лоскутное одеяло, поверх него лежали шпульки белых ниток. Когда я вошла в комнату, женщины подняли глаза.

– Это Элли Хэтэуэй, – объявила Кэти.

– Sie schelt an shook mit uns wohne¹¹, – добавила Сара.

Из уважения ко мне Анна спросила по-английски:

– Надолго она здесь останется?

– Пока дело Кэти не будет передано в суд, – ответила я.

Когда я села на стул, малышка Луизы Лэпп поднялась на нетвердых ножках и потянулась к ярким пуговицам на моей блузке. Боясь, что она упадет, я подхватила ее и, усадив к себе на колени, пощекотала по животу, чтобы развеселить, наслаждаясь тяжестью теплого детского тела. Схватив меня за руки липкими пальчиками, малышка откинула назад голову, открывая моему взору белейшую, нежнейшую складочку на шее. Я с опозданием поняла, что излишне дружелюбна с ребенком женщины, которая, скорее всего, не доверила бы мне заботу о дочери. Подняв глаза, я собралась извиниться, но обнаружила, что все женщины теперь смотрят на меня с нескрываемым уважением.

Ну, у меня не было намерения смотреть дареному коню в зубы. Женщины склонились над шитьем, а я продолжала играть с малышкой.

– Хотите пошить? – вежливо спросила Сара, и я рассмеялась.

– Поверьте, лучше будет, если я откажусь.

У Анны засверкали глаза.

– Рейчел, расскажи, как ты пришила лоскутное одеяло Марты к своему фартуку.

– Зачем? – обиделась Рейчел. – Ты сама все рассказала.

Кэти неторопливо вдела нитку в иголку и склонилась над прямоугольником белого ватина, делая маленькие ровные стежки без помощи линейки или швейной машины.

– Это удивительно! – с искренним восхищением сказала я. – Они такие крошечные, их почти не видно.

---

¹¹ Ей не нравится жить с нами (нем.).

– Не лучше, чем у всех остальных, – откликнулась Кэти, зардевшись от похвалы.

Несколько минут все шили в тишине, женщины грациозно наклонялись вперед, а потом поднимали головы от одеяла, как газели, пришедшие на водопой.

– Так, значит, Элли, – заговорила Рейчел, – вы из Филадельфии?

– Да. Живу там с недавних пор.

– Я была там один раз. – Марта откусила конец нитки. – Ездила на поезде. Толпы народа снуют туда-сюда.

– Очень похоже на правду! – рассмеялась я.

Вдруг со стола скатилась катушка ниток и упала прямо на голову младенца, спящего в небольшой корзине. Он замолотил ручками и зашелся в громком плаче. Сидящая рядом с ним Кэти протянула руку, чтобы успокоить его.

– Не трогай его!

Слова Рейчел прозвучали, как гром среди ясного неба, заставив руки женщин замереть над шитьем, и они стали похожи на знахарок. Рейчел закрепила нитку, пропустив ее через ткань, а потом подняла сына и прижала к груди.

– Рейчел Лэпп! – возмутилась Марта. – Что с тобой такое?

Та не смотрела на Сару или Кэти.

– Просто не хочу, чтобы сейчас Кэти трогала маленького Джозефа, вот и все. Как бы я ни любила Кэти, это мой сын.

– А Кэти – моя дочь, – медленно произнесла Сара.

Марта положила руку на спинку стула, на котором сидела Кэти:

– Она и мне почти дочь.

Рейчел чуть вздернула подбородок:

– Если мне здесь не рады...

– Тебе рады, Рейчел, – тихо сказала Сара. – Но мы не позволим, чтобы из-за тебя Кэти неуютно себя чувствовала в собственном доме.

Я сидела на краешке стула со спящей у меня на руках малышкой Луизы, затаив дыхание и выжидая, кто выйдет победителем.

– Знаешь, что я думаю, Сара Фишер... – начала Рейчел, сверкая глазами, но не успела закончить фразу, прерванную громким звонком.

Напуганные женщины начали озираться по сторонам. Я с упавшим сердцем переместила ребенка на левую руку и свободной рукой достала сотовый из кармана. Широко открыв глаза, женщины смотрели, как я нажимаю на кнопку и подношу телефон к уху.

– Алло?

– Господи, Элли, я уже несколько дней пытаюсь до тебя дозвониться. Ты что, выключаешь эту штуку?

Я удивилась, что аккумулятор так долго работает. И отчасти надеялась, что он сейчас сядет и мне не придется разговаривать со Стивеном. Амишские женщины уставились на меня, на время позабыв о своей ссоре.

– Мне надо ответить, – смущенно сказала я, передавая спящего ребенка матери.

– Телефон? – выдохнула Луиза, когда я выходила из комнаты. – В доме?

Я не услышала объяснения Сары. Но, разговаривая со Стивеном на кухне, уловила скрип колес багги сестер Лэпп на подъездной дорожке.

– Стивен, сейчас не лучшее время для разговора.

– Хорошо, я недолго. Просто мне нужно кое-что узнать, Элли. По городу ходят нелепые слухи, что ты якобы выступаешь в роли государственного защитника для какой-то амишской девчушки. И что судья вынудил тебя жить на ферме.

Я помедлила. Стивен никогда не позволил бы втянуть себя в нечто подобное.

– Я не стала бы называть себя государственным защитником, – ответила я. – Просто мы еще не договорились о гонораре.

– Но все остальное? Господи, скажи хотя бы, где ты сейчас?

– В Ланкастере, а точнее, в городке Парадайс.

Я представила себе, как на лбу Стивена заметно набухает крупная голубая вена.

– Значит, это ты называешь короткой передышкой?

– Все случилось совершенно неожиданно, Стивен, – обязательства перед семьей, которые необходимо выполнить.

– Обязательства перед семьей?! – рассмеялся он. – Среди амишей есть твои внучатые племянники, или я путаю их с Харе Кришной по материнской линии? Давай, Элли. Можешь сказать мне правду.

– Я и так говорю правду, – стиснув зубы, сказала я. – Это не уловка для привлечения внимания, ничего подобного. Долго объяснять, но я защищаю свою родственницу. Я нахожусь на ферме, потому что это часть соглашения о залоге. Вот и все.

Наступила напряженная пауза.

– Не могу не сказать, Элли, мне обидно, что ты решила держать это дело в тайне, вместо того чтобы рассказать мне. То есть, если ты пыталась завоевать себе репутацию адвоката сенсационных дел, я мог бы помочь тебе советом, предложениями. Может быть, даже помог бы устроиться в мою фирму.

– Я не хочу устраиваться в твою фирму! – отрезала я. – И мне не нужны сенсационные дела. И, честно говоря, я не могу поверить, что ты воспринял всю эту ситуацию как личное оскорбление.

Опустив глаза, я заметила, что рука у меня сжалась в кулак. Палец за пальцем я разжала его.

– Если это дело станет таким, как я думаю, тебе понадобится помощь. Я мог бы приехать и стать вторым адвокатом, привлечь свою фирму.

– Спасибо, Стивен, но не надо. Родители моей клиентки с трудом согласились на одного адвоката и уж тем более не потерпят полный дом нашего брата.

– Все же я мог бы приехать и выслушать твои соображения. Или мы могли бы просто сидеть на качелях на террасе и пить лимонад.

На миг я дрогнула. Я представила себе веснушки на загривке Стивена и то, как он отставляет руку, когда чистит зубы. Я почти почуяла его запах, исходящий из шкафов, комодов и от постельного белья. Все это было таким простым, таким знакомым, а мир, в который я себя загнала, был чуждым на каждом шагу. Если бы в конце дня я встречалась с тем, что мне близко, что я люблю, то дело с Кэти заняло бы надлежащее место – моя работа, а не жизнь в целом.

Я крепче сжала телефон и закрыла глаза.

– Может быть, – услышала я свой шепот, – нам надо просто подождать и посмотреть, что произойдет.

Я застала Сару в гостиной в одиночестве. Она сидела, склонившись над шитьем.

– Извините. За телефон.

– Ничего страшного, – отмахнулась она от моего извинения. – У мужа Марты Стольцфус есть телефон в коровнике, для бизнеса. Луиза просто задается. – Она, вздохнув, поднялась и начала собирать шпульки с нитками. – Надо бы здесь прибраться.

Я взяла ткань за два угла, помогая сложить ее.

– Мастер-класс по лоскутному шитью оказался очень коротким. Надеюсь, не я тому причиной.

– Думаю, он в любом случае был бы коротким, – отрывисто ответила Сара. – Я послала Кэти развешивать белье, если вы ее ищете.

Я догадалась, что меня отсылают прочь. Но, собираясь уйти, задержалась у двери в кухню:

– Почему Рейчел Лэпп не доверяет Кэти?

– По-моему, вы могли бы уже понять.

– Ну, я имела в виду, помимо очевидного. Особенно после того, как за нее заступился ваш епископ...

Сара положила лоскутное одеяло на полку и повернулась ко мне. Хотя она обладала достойной восхищения способностью скрывать свои чувства, но в тот момент ее глаза горели от стыда, потому что подруги унизили ее дочь.

– Мы похожи друг на друга. Мы одинаково молимся. Мы живем одной жизнью, – сказала она. – Но это не значит, что мы одинаково думаем.

На ветру хлопали огромные белые паруса, когда их развешивали на бельевой веревке. Кэти боролась с простынями, которые охватывали ее своими широкими руками. Отбиваясь от них, она что-то бормотала с набитым прищепками ртом, а ее фартук от ветра взвивался вверх. Увидев меня, она отошла от веревки, побросав лишние прищепки в ведро.

– Ты, конечно, пришла сюда, как раз когда я закончила, – пожаловалась она, садясь рядом со мной на каменную стенку.

– Ты прекрасно справилась и без меня. – (На одной веревке висела радуга из рубашек и платьев – темно-зеленые, красные, бледно-фиолетовые, желтые; рядом с ними плясали черные ноги мужских брюк, а на третьей веревке были развешены простыни с раздувшимися животами.) – У нас белье развешивала мама, – сказала я с улыбкой. – Помню, как я тыкала в них палкой, изображая рыцаря.

– Не принцессу?

– Вряд ли. Они совсем скучные, – фыркнула я. – Я не собиралась дожидаться какого-то там принца, если сама могла себя спасти.

– Мы с Ханной, бывало, играли в прятки среди простыней. Но на простыни попадала грязь с наших ног, и нам приходилось перестирывать их.

Запрокинув голову, я подставила лицо ветру:

– Помню, что верила, будто можно почуять запах солнца на простынях, когда приносишь их в дом и застилаешь постель.

– О-о, так оно и есть! – обрадовалась Кэти. – Ткань поглощает его взамен сырости. На каждое действие существует равное противодействие.

Физические законы Ньютона казались несколько продвинутыми для восьми классов средней школы, которыми обычно ограничивалось школьное образование большинства амишских детей, включая и Кэти.

– Я не знала, что у вас в школьную программу входит физика.

– Не входит. Просто я это слышала.

Слышала? От кого? Местного амишского ученого? Не успела я спросить ее, как она произнесла:

– Мне надо заняться огородом.

Я пошла за Кэти и, усевшись, стала смотреть, как она срыгает бобы и складывает их в фартук. Она казалась полностью погруженной в работу и, когда я заговорила, вздрогнула.

– Кэти, вы с Рейчел обычно ладите?

– Да. Я постоянно присматриваю за маленьким Джозефом. На время шитья, иногда даже на время церковной службы.

– Ну, сегодня она явно обращалась с тобой не как с привилегированной семейной нянькой, – заметила я.

– Да, но Рейчел всегда прислушивается к разговорам других людей, вместо того чтобы узнать самой. – Кэти помолчала, теребя в пальцах бобовый стебель. – Мне все равно, что гово-

рит Рейчел, потому что правда рано или поздно выходит на свет. Но я переживаю оттого, что могла заставить маму плакать.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, слова Рейчел заделали ее больше, чем меня. Я – это все, что осталось у мамы. И я должна стараться быть безупречной.

Кэти поднялась, придерживая руками оттопыренный фартук с бобами. Направляясь в сторону дома, она увидела шагающего к ней Сэмюэла.

Он снял шляпу, показав спутанные от пота белокурые волосы:

– Кэти, как ты сегодня?

– Отлично, Сэмюэл, – ответила она. – Собираю бобы на обед.

– Хороший у вас нынче урожай.

Я слушала, стоя от них на некотором удалении. Где же любовный разговор? Или хотя бы легкое прикосновение к локтю или спине? Наверняка Сэмюэлу известно о ссоре во время шитья, наверняка пришел успокоить Кэти. Я не знала, так ли в их мире ухаживают за девушкой. Возможно, Сэмюэл сдерживался в моем присутствии. Или же этим двум молодым людям действительно нечего сказать друг другу – нечто странное, если они вместе сделали ребенка.

– Там что-то доставили, – сказал Сэмюэл. – Наверное, стоит взглянуть.

А-а, вот это больше похоже на правду – какой-то сюрприз. Я подняла глаза, ожидая ответа Кэти, и поняла, что Сэмюэл обращается ко мне, а не к ней.

– Доставили мне? Никто даже не знает, что я здесь.

– Посылка на переднем дворе, – пожал плечами Сэмюэл.

– Что ж, хорошо. – Я улыбнулась Кэти. – Пойдем посмотрим, что на этот раз прислал мой тайный поклонник.

Сэмюэл повернулся и приобнял Кэти за плечи, чтобы отвести к дому. Идя вслед за ними, я увидела, как Кэти очень осторожно, очень медленно выскользнула из его объятий.

На утоптанной земле перед амбаром стояла приземистая картонная коробка.

– Ее привезли из полиции, – сказал Сэмюэл, уставившись на закрытую коробку с таким видом, словно там притаилась гремучая змея.

Я прикинула вес коробки. Документов от прокурора было гораздо меньше, чем в моих прежних делах, – в этой небольшой коробке содержалось все собранное полицией вплоть до данного момента. Но опять же для очевидного случая не требуется много доказательств.

– Что это? – спросила Кэти.

Она стояла рядом с Сэмюэлом все с тем же милым, немного смущенным выражением лица.

– Это от стороны обвинения, – ответила я. – Свидетельства того, что ты убила своего ребенка.

Два часа спустя я сидела, обложившись показаниями, документами и отчетами, не найдя ничего, что представляло бы мою клиентку в выгодном свете. В деле были изъяны: к примеру, еще не успели провести тест ДНК, который доказал бы, что Кэти – мать ребенка, а факт недоношенности плода вызывал сомнение в его способности выжить вне матки. Но в основном подавляющая доля свидетельств указывала на Кэти. Она была на месте преступления, ее признали женщиной, недавно родившей, ее кровь обнаружили даже на теле мертвого младенца. Та скрытность, с которой она рожала ребенка, делала нелепым предположение о том, что кто-то другой пришел и убил его. С другой стороны, это давало-таки повод для обвинения: если женщина так настойчиво пытается скрыть акт рождения, то, вероятно, пойдет на многое, чтобы скрыть результат этого акта. Что оставляло открытым вопрос о том, была ли Кэти в здравом уме, когда совершала преступление.

Первое, что мне надлежало сделать, – подать ходатайство в другие службы, помимо юрис-консульта. Суд мог оплатить профессионального психиатра, который с гораздо меньшей вероятностью, чем я, мог бы заняться Кэти на общественных началах. И чем скорее я напишу ходатайство, тем скорее получу результаты.

Выбравшись из кровати, я опустилась на колени, чтобы достать из-под нее свой ноутбук. Гладкий черный корпус, напичканный современными технологиями и синтетическими материалами, скользнул по отполированному деревянному полу. Я положила его на кровать, откинула крышку компьютера и нажала кнопку запуска.

Ничего не произошло.

Выругавшись про себя, я нащупала в кармане аккумуляторный блок и вставила его в компьютер. Компьютер загрузился, но сразу запыкал, сообщая мне, что аккумулятор требует зарядки, вслед за чем экран снова погас.

Ну, это еще не конец света. Я могу поработать вблизи розетки, пока аккумулятор заряжается. Розетка... которой просто не существует в доме Кэти.

Я вдруг осознала, чем для меня, адвоката, может обернуться работа на амишской ферме. Мне придется построить защиту моей клиентки без привычных каждодневных технических средств, доступных адвокатам. Рассердившись на себя, на судью Гормана, я схватила сотовый, чтобы ему позвонить. Мне удалось набрать первые три цифры, а потом телефон отключился.

– Господи Иисусе!

Я швырнула телефон с такой силой, что он отскочил от кровати. У меня не было даже зарядного устройства для него. Мне придется заряжать его от прикуривателя в машине. Разумеется, ближайшая машина была у Леды, в добрых двадцати милях отсюда.

У Леды. Что ж, это одно решение: я могу сделать там всю свою юридическую работу. Но это решение не годится, поскольку Кэти не разрешается покидать ферму. Может быть, если я напишу ходатайство от руки...

Вдруг я замерла. Если я напишу ходатайство от руки или заряджу телефон и позвоню судье, он скажет мне, что условия залога не выполняются и Кэти придется до суда томиться в тюрьме. Мне предстояло найти выход из этой ситуации.

Я с решительным видом поднялась и, спустившись вниз, пошла к коровнику.

От Кэти я узнала, что летом из-за жары коров не каждый день выпускали в поле. И действительно, войдя в коровник, я услышала мычание привязанных в стойлах голштинских коров. Одна с разбухшим розовым выменем пыталась улечься, и я подумала о Кэти, какой она была прошлой ночью. Повернувшись, я зашагала между двумя рядами коров, не обращая внимания на льющуюся на решетки позади них мочу и надеясь придумать способ, как заставить компьютер работать.

Я успела заметить, что, если какие-то правила и смягчались на амишской ферме, то делалось это только исходя из экономической необходимости. Например, в доильном помещении охлажденное молоко в цистерне размешивалось с помощью двигателя на двенадцать вольт. Вакуумные доильные аппараты работали от дизеля, который включали дважды за день. Эти «современные приспособления» позволяли амишам конкурировать с другими поставщиками молока. Я мало что смыслю в дизельном топливе или двигателях, а кто смыслит? Может, такой двигатель можно приспособить для запуска моего ноутбука.

– Что вы тут делаете?

При звуках голоса Аарона я дернулась, едва не стукнувшись головой об одну из стальных ручек цистерны.

– Ой! Вы меня напугали.

– Вы что-то потеряли? – спросил он, хмуро глядя в угол, в котором я притаилась.

– Нет, на самом деле, я пытаюсь кое-что найти. Мне нужно зарядить аккумулятор.

Аарон снял шляпу и вытер лоб рукавом рубашки:

– Аккумулятор?

– Да, для моего компьютера. Если вы хотите, чтобы я должным образом представила вашу дочь в суде, мне необходимо подготовиться к судебному разбирательству. Это предполагает, что я заранее напишу несколько ходатайств.

– Я пишу без компьютера, – отходя от меня, ответил Аарон.

Я пошла за ним следом:

– Можно и так, но судья ждет не этого. – Помолчав, я добавила: – Я не прошу у вас электрического подключения в доме или даже доступа в Интернет и к факсу – тем и другим я широко пользуюсь перед судебным разбирательством. Но вы должны понять, что несправедливо просить меня готовиться к предстоящему делу по амишским правилам, если оно ведется по-американски.

Аарон долго смотрел на меня темными бездонными глазами:

– Мы поговорим об этом с епископом. Сегодня он приедет сюда.

Я широко открыла глаза:

– Приедет? Ради этого?

Аарон повернулся прочь.

– Ради других дел, – ответил он.

Аарон молча подвел меня к багги. На заднем сиденье уже ждала Кэти, всем своим видом показывая, что она тоже не понимает, в чем дело. Аарон уселся справа от Сары и, взяв вожжи, зацокал языком, понукая лошадь.

Сзади подъехала другая повозка – открытый экипаж, в котором Сэмюэл с Леви ездили на работу. Таким караваном мы сворачивали на дороги, по которым я прежде не ездила. Они вились по полям и фермам, где продолжали работать мужчины, и наконец мы остановились у небольшого перекрестка; там уже стояли несколько других багги.

Кладбище было маленьким и опрятным, все надгробия примерно одного размера, так что самые старые из них отличались от новых лишь вырезанными на камне датами. В дальнем углу стояла небольшая группа амишей, их черные платья и брюки мели землю, как вороньи крылья. Как только Сара с Аароном сошли с багги, эти люди все разом пошли навстречу.

Я чересчур поздно догадалась, что дом Фишеров был лишь первой остановкой. Они окружили меня и Кэти, дотрагивались до ее щеки и руки, похлопывали по плечу. Они бормотали слова утешения и соболезнования, звучащие одинаково на любом языке. В отдалении Сэмюэл и Леви выносили что-то из своей повозки – небольшой предмет, по виду, несомненно, гроб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.